

Валентин Катасонов

**Экономическая теория
славянофилов и современная
Россия. «Бумажный
рубль» С. Шарапова**

«Кислород»

2016

УДК 336.027
ББК 65.02

Катасонов В. Ю.

Экономическая теория славянофилов и современная Россия.
«Бумажный рубль» С. Шарапова / В. Ю. Катасонов —
«Кислород», 2016

ISBN 978-5-901635-56-8

В книге исследуются экономические труды Сергея Федоровича Шарапова (1855–1911), вобравшие в себя многие главные идеи славянофилов. Шарапов прозорливо предвидел катастрофические последствия капиталистического развития страны в конце XIX – начале XX в., предлагал альтернативные модели экономического развития, делая особый упор на необходимость перестройки денежно-кредитной системы России. Он постоянно подчеркивал, что экономическое возрождение России возможно лишь на фундаменте Православия, крепкой церковной жизни, с опорой на приход как первичную ячейку общества, имеющую помимо всего ряд экономических функций. В альтернативной модели экономики и денежной системы, предлагавшейся Шараповым, ключевыми элементами являлись абсолютные (бумажные) деньги, мнимые капиталы, запасные капиталы, государственные банки, казенные монополии в ряде отраслей экономики, регулируемый государством валютный курс рубля и др. Автор отмечает, что сформировавшаяся в советский период нашей истории денежно-кредитная система имела ряд элементов, которые содержались в модели Шарапова. Нынешнее состояние российской экономики очень напоминает то положение, которое было столетие назад, поэтому многие мысли русских экономистов-славянофилов остаются актуальными по сей день.

УДК 336.027
ББК 65.02

ISBN 978-5-901635-56-8

© Катасонов В. Ю., 2016

© Кислород, 2016

Содержание

Введение	7
Глава 1. С. Ф. Шарапов: взгляд славянофила на экономику и экономическую науку	11
Главный славянофил среди экономистов, главный экономист среди славянофилов	11
С. Ф. Шарапов: особый взгляд на реформы в России во второй половине XIX века	13
Какие экономические идеи легли в основу реформ?	14
«Теория» конкуренции как экономическая версия социал-дарвинизма	15
О теории и практике «государственного невмешательства»	17
О государственной бюрократии и пренебрежении отечественным опытом	20
О ядовитых плодах западной финансовой науки	23
Не наука, а «гимн золоту»	25
Единомышленники и последователи С. Шарапова о «тайне золота»	28
Российские финансовые реформы: беспечность, продажность и невежество	32
Незатейливое финансовое правило, или удушение России на «научной» основе	34
Уроки финансовых реформ: предупреждение С. Шарапова нынешней России	37
О западных «семенах» экономического «просвещения» в России	39
«Наука» вместо бога	42
Святитель Феофан Затворник о «западной тьме»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валентин Катасонов
Экономическая теория
славянофилов и современная Россия.
«Бумажный рубль» С. Шарапова

Сост. В. Б. Трофимова

Отв. ред. О. А. Платонов

© Институт русской цивилизации, 2016

© Издательский дом «Кислород», 2016

Введение

Еще в конце прошлого, XX века имя Сергея Федоровича Шарапова было почти неизвестно многим даже вполне образованным людям. Не только на произведения С. Ф. Шарапова, но даже на упоминание его имени в советское время был наложен негласный запрет. Лишь в очень специальных изданиях о нем давалась короткая информация нелестного свойства. Например, в работе «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия» Шарапову было посвящено всего несколько строк: «...русский реакционный публицист... предлагал передать функции городского и земского самоуправления церковным приходам. Непримирымый противник демократии, он отрицательно отнесся к революции 1905–1907 гг. Вел в печати энергичную агитацию против финансовой политики С. Ю. Витте, боролся с введением в России золотой валюты»¹.

Пожалуй, наибольшего внимания в советский период С. Шарапов удостоился в книге В. Е. Власенко «Денежная реформа в России 1895–1898 гг.», которая вышла в 1949 г., причем очень небольшим тиражом. Автор книги назвал С. Шарапова главой русских «инфляционистов», т. е. тех, кто в конце XIX в. в нашей стране выступал против введения золотого рубля и отстаивал вариант бумажных денег. Кратко излагая позицию Шарапова по вопросу организации денежного обращения в России, Власенко сопровождает свое изложение идеологическими штампами, призванными вызвать у читателя негативное отношение к самому Шарапову. Например: «Во главе откровенных инфляционистов стояли крайне реакционные круги помещиков. Их чаяния ярче всего выразил активный реакционер Шарапов. По его выражению, Россия представляет собой особый “мир, вполне самодовлеющий и экономически независимый”. Политическим строем, соответствующим этому особому миру, он считал абсолютную монархию, а ее экономическим идеалом – мелкое кустарное и крестьянское хозяйство, конечно, наряду с крупным помещичьим хозяйством»². Немного ниже Власенко говорил о крайне негативном отношении Шарапова к иностранному капиталу в российской экономике: «Шарапов не стеснялся в выражениях по поводу роста власти иностранного капитала в России». И далее автор без всякого перехода продолжает: «Дворяне-помещики и ее идеологи действительно опасались ее, но лишь постольку, поскольку она угрожала их господствующему положению. Экономическая и политическая независимость страны несколько их не интересовала. Они торговали ею и оптом и в розницу»³. Из данной лукавой формулировки следует, что Шарапов как представитель класса дворян-помещиков торговал Россией «и оптом и в розницу». Это было откровенной ложью.

Понятно, что противник революции, неприкрытый церковник, защитник интересов дворянства, монархист не мог рассчитывать на пропаганду своих взглядов в стране победившего социализма. Он мог рассчитывать лишь на ругательные эпитеты типа «реакционер», «крепостник», «противник демократии», «защитник дворянства». Особо ревностное отношение советских цензоров и идеологов к личности Шарапова объяснялось тем, что Сергей Федорович удостоился критики со стороны самого вождя мирового пролетариата⁴.

Годы жизни Шарапова: 1856–1911. В последние два десятилетия жизни имя его было уже достаточно на слуху у многих современников. Шарапов активно занимался журналисти-

¹ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. – М., 1980. – С. 415.

² Власенко В. Е. Денежная реформа в России 1895–1898 гг. – Киев, 1949. – С. 129.

³ Там же. – С. 132.

⁴ Речь идет о статье В. И. Ленина «Перлы народнического прожектерства» 1897 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. – С. 497). Досталось Шарапову в свое время и от Л. Троцкого, который, занимаясь в начале XX в. журналистикой, написал язвительно-критическую статью «С. Ф. Шарапов и немецкие аграрии» (Восточное обозрение. – 1901. – 13 октября. – № 225).

кой и публицистикой, изданием газет (наиболее известная из них – «Русское дело»), пробовал себя на литературном поприще (писал романы, повести, пьесы), был вовлечен в общественно-политическую деятельность (пытался даже пройти в Государственную Думу, создавал новую партию), некоторое время пребывал на государственной службе (в том числе в Министерстве финансов), проявил себя в предпринимательстве (организовал выпуск плуга новой конструкции), организовал образцовое хозяйство в своем имении («помещичий колхоз») и занимался распространением этого опыта и т. д. В данном случае нет смысла подробно описывать жизнь Сергея Федоровича, т. к. к сегодняшнему дню такие жизнеописания уже имеются⁵.

Примечательно, что известность Сергея Федоровича при его жизни и до революции 1917 года не означала славу и почитание. Его позиция по многим вопросам общественно-политической и экономической жизни тогдашней России, мягко говоря, не совпадала с общепринятыми мнениями, а часто находилась в непримиримом противоречии с ними. Эти несовпадения и противоречия касались государственного устройства России, церковно-религиозной жизни, событий так называемой «русской» революции 1905–1907 гг., денежного обращения и организации хозяйственной жизни страны в целом, официальной экономической науки, марксизма и социализма, так называемого «еврейского вопроса», внешней политики России в Европе и на Дальнем Востоке и т. п.

Шарапов вел непримиримую борьбу с тогдашним министром финансов С. Витте – тем самым Витте, который готовил введение в России «золотого рубля», а после его введения поощрял развитие «дикого» капитализма, коррупции и приход в страну иностранного капитала, а также ловко помогал Западу заманивать страну в сети геополитических интриг мировой закулисы. Позднее Сергей Федорович критиковал премьер-министра П. А. Столыпина за его аграрную реформу, которая разрушала крестьянскую общину (хотя при этом считал Петра Аркадьевича большим государственным деятелем). Он также не мог примириться с официальной экономической и финансовой наукой, которая оправдывала и обосновывала разрушительную экономическую политику правительства. Особую позицию Шарапов занимал и по многим вопросам внутренней и внешней политики: польскому вопросу, автономии Финляндии, Русско-японской войне. Официальный Петербург очень раздражали предупреждения Шарапова о том, что в мире назревает большая война и что Россия к этой войне не готова. Шарапов взывал к уму и чувству образованного слоя России, который находился под гипнозом марксизма и социализма, буржуазного либерализма и «просвещенного» материализма, разоблачал эти чуждые русскому народу учения. Шарапов даже не побоялся возвысить свой голос христианина против косности, формализма и бюрократизма, которые проникли в церковную организацию, требовал созыва Поместного Собора Русской Православной Церкви и восстановления Патриаршества. Это порождало раздражение со стороны некоторых тогдашних церковных иерархов.

Конечно, Шарапов не был абсолютным одиночкой. Он был очень близок к немногочисленной группе общественных и государственных деятелей, публицистов и писателей, которых в той или иной мере можно назвать славянофилами, государственниками, монархистами, консерваторами, «почвенниками». Среди таких людей – И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, К. Н. Леонтьев, Г. В. Бутми, П. Н. Оль, А. А. Стахович, А. В. Васильев, Д. И. Менделеев, Ю. Г. Жуковский, В. А. Кокорев, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин и некоторые другие. Причем первых троих из этого списка Сергей Федорович считал своими учителями.

В целом жизнь и творчество Шарапова можно назвать *движением против течения*. Но эта позиция не была позой, не диктовалась желанием быть оригинальным, тем более – не свидетельствовала о революционных и бунтарских настроениях Шарапова. Наоборот, он был консерватором и противником революционных потрясений. Иногда консерватизм порождается

⁵ См., например: Антонов М. Шарапов Сергей Федорович // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа / Сост. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2006. – С. 1036–1044.

леностью ума, нежеланием учитывать изменения, неспособностью понять глубинные механизмы общественного развития. Консерватизм Шарапова – иного рода. Шарапов глубже большинства своих современников понимал движущие силы истории, культурно-исторические особенности России, текущую ситуацию в стране, тектонические изменения, которые происходили в мире и угрожали России.

Сегодняшняя Россия переживает такие же крутые повороты в своем развитии, как и дореволюционная Россия времен Шарапова. Совпадения в общественно-политической, духовно-религиозной, экономической жизни сегодняшней и тогдашней России поразительные. Тогда правящие круги страны и образованный слой России не прислушались к словам и предупреждениям Шарапова. А если бы прислушались, может, не было бы тех трагедий, которые пришлось пережить русскому народу. Поразительно, что советская власть не признавала и замалчивала Шарапова, но при этом целый ряд экономических идей Сергея Федоровича был практически воплощен в жизнь именно в советское время. Некоторые мысли Шарапова были почти слово в слово повторены через два – три десятилетия известным английским экономистом Джоном М. Кейнсом.

За последние 100 лет Россия пережила несколько революций, две мировые войны, гражданскую войну и бесчисленное количество локальных гражданских конфликтов. Хотелось бы верить, что с учетом этого богатого и одновременно печального опыта русского народа слова и мысли русского православного патриота, государственника, экономиста С. Ф. Шарапова наконец-то найдут отзвук в умах и сердцах нашего современника.

Предлагаемая читателю книга зародилась в виде серии докладов, прочитанных автором на конференции, приуроченной к 100-летию со дня смерти С. Ф. Шарапова. Конференция проходила в Москве в Донском монастыре в декабре 2011 г. и была организована совместно духовно-просветительской общественной организацией «Переправа» и Институтом русской цивилизации. Примечательно, что конференция продемонстрировала столь высокий интерес общественности к творчеству С. Ф. Шарапова и других русских экономических мыслителей прошлого, что на заключительном заседании конференции было принято решение о создании Русского экономического общества. Такое общество было создано и получило имя С. Ф. Шарапова.

Уже после конференции первоначальные мои доклады были дополнены, доработаны и составили данную книгу.

Цель данной работы – показать, что изучение творческого наследия Шарапова – отнюдь не удел любителей «русской старины», которая ушла в невозвратное прошлое. Я по мере своих скромных сил и способностей пытаюсь показать, что Шарапов со страниц своих статей и книг говорит о нашей *сегодняшней России* с ее проблемами и трагедиями. В обширном творческом наследии С. Ф. Шарапова⁶, пожалуй, центральное место занимает его работа *«Бумажный рубль: Его теория и практика»*, которая вышла в Санкт-Петербурге в 1895 г. Это наиболее

⁶ Полный список прижизненных публикаций С. Ф. Шарапова приведен в следующем источнике: *Базулин Ю. В.* Двойственная природа денег: русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков. – СПб., 2005. – С. 30–44. Этот список насчитывает 255 позиции и включает газетные и журнальные статьи, брошюры и книги, доклады, рецензии и др. Наиболее крупные прижизненные публикации (в формате книг и брошюр): Будущность крестьянского хозяйства. – М., 1882; А. Н. Энгельгардт и его значение для русской культуры и науки. – СПб., 1894; Франция и славянство. Речь в торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского общества 19 декабря 1893 г. – СПб., 1894; Бумажный рубль (Его теория и практика). Исследование о научных законах бумаго-денежного обращения в самодержавном государстве. – СПб., 1895; Опыт русской политической программы. Самодержавие и самоуправление. Сущность бюрократии (переписка с князем В. П. Мещерским). – М., 1905; Сущность аграрного кризиса. – М., 1906; «Матрикулированные» октябристы, или Как я не попал в Государственную Думу. – М., 1908; Финансовое возрождение России. Речь в Русском Собрании 9 марта 1908 г. – М., 1908; *Аксаков Н. П., Шарапов С. Ф.* Германия и славянство. Доклад Санкт-Петербургскому Славянскому съезду Аксаковского литературного и политического общества в Москве. – М., 1909; Министерство земледелия и его задачи в России. – СПб., 1882; По русским хозяйствам. – М., 1881; Сочинения. – М., 1892; Франция и славянство. – М., 1894; По садам и огородам. – М., 1895; Как ликвидировать золотую валюту. – СПб., 1899; Сочинения. Т. 1–9. – СПб., 1900–1906.

крупное произведение Сергея Федоровича по проблемам денежного обращения и организации народного хозяйства в православном государстве. Многие мысли, лишь схематично обозначенные в «Бумажном рубле», более подробно раскрыты в последующих работах С. Шарапова. На фоне всех других экономических работ «Бумажный рубль...» – наиболее целостное произведение. Оно дает общее представление о том, что такое деньги, какие функции они выполняют, какие бывают виды денег, почему общество выбирает тот или иной вид денег, какими деньгами на разных этапах своего развития пользовалась Россия, почему «золотые» деньги – самый худший для России вид денег, что такое «абсолютные» деньги, почему они являются самым совершенным средством обращения, каким образом обеспечить переход России к «абсолютным» деньгам и т. д. и т. п. При этом представления С. Шарапова о мире денег весьма отличались от устоявшихся взглядов в конце XIX в. Шарапов, воспитанный на идеях славянофильства, обладал очень ясным, незамутненным идеями либерализма и марксизма взглядом на мир экономики.

Мой опыт показывает, что для того, кто набрался сил и терпения ознакомиться с работой Шарапова «Бумажный рубль...», такое знакомство не проходит бесследно. Даже если читатель по каким-то причинам не принимает точку зрения Сергея Федоровича, он все равно начинает по-новому смотреть на мир денег, кредита, банков, финансов. Не побоюсь сказать: «Бумажный рубль...» можно вполне рекомендовать для знакомства не только «узким» специалистам в области денежного обращения, но и другим категориям читателей, в частности студентам экономических вузов и экономических факультетов. Эта работа могла бы стать своеобразным «противоядием», защищающим молодежь от экономического либерализма, проникшего в нашу высшую школу под видом «экономической теории», «экономикс», «эконометрики», «макроекономики», «микроэкономики» и всякими другими наукообразными вывесками.

Знакомство с трудами Шарапова позволит нам быстрее понять причины проблем и трагедий современной России, найти выходы из сегодняшних тупиков, наметить долгосрочные ориентиры нашего развития. Хотелось бы верить, что читатель, приобретя через мой скромный труд «вкус» к углубленному изучению работы «Бумажный рубль...» и иных работ С. Ф. Шарапова⁷, в дальнейшем приступит к освоению творческого наследия других русских мыслителей. Такое освоение поможет формированию нашего, русского взгляда на экономику. Благо, для этого сегодня есть все условия. Институт русской цивилизации уже выпустил в свет сочинения нескольких десятков лучших деятелей русской философской, богословской и научной мысли и планирует продолжать эту издательскую деятельность далее.

⁷ На сегодняшний день в распоряжении читателя имеется ряд современных изданий работ С. Ф. Шарапова. Наиболее полное собрание сочинений: *Шарапов С. Ф.* Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной словарь А. Д. Каплина/ Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 720 с. Обзор современных изданий работ С. Шарапова (по состоянию на 2005 год).

Глава 1. С. Ф. Шарапов: взгляд славянофила на экономику и экономическую науку

Главный славянофил среди экономистов, главный экономист среди славянофилов

С. Ф. Шарапов (1855–1911) – один из наиболее ярких представителей позднего славянофильства. На фоне других славянофилов его особенно отличает широкий диапазон затрагиваемых вопросов, – и не просто затрагиваемых, а детально осмысливаемых. По каждому из таких вопросов имеются конкретные предложения, порой содержащие скрупулезную проработку. Большинство славянофилов занимались фундаментальным, метафизическим осмыслением проблем бытия, русской цивилизации, духовно-религиозной жизни, культуры и др. Шарапов был в первую очередь практиком, занимался прикладными вопросами, но при этом прекрасно понимал фундаментальные вопросы русской цивилизации и опирался на своих предшественников. Вот краткий перечень вопросов, которые он поднимал в своих работах «Бумажный рубль (Его теория и практика)», «Диктатор», «Марксизм и русская экономическая мысль», «Финансовое возрождение России» и др.⁸:

1. О денежной системе России. Борьба против золотого рубля и денежной реформы С. Ю. Витте.
2. Проект перехода к бумажному рублю. Теория «абсолютных» денег. Модель русской денежной системы.
3. Об иностранном капитале и иностранных кредитах. Об утрате российским государством контроля над экономической и политической жизнью страны, о «внешнем управлении» страной со стороны западных банкиров и биржевиков.
4. Теория «мнимых капиталов» и практические предложения по использованию «мнимых капиталов» государством для строительства железных дорог и других объектов инфраструктуры.
5. О налогах, страховании, государственном имуществе, резервных фондах (запасные капиталы), системе экономических ведомств государства.
6. О деградации деревни, сельского хозяйства. Критика реформы Столыпина. Об организации кредита деревне.
7. Об организации управления страной. Критика бюрократических методов управления. О ликвидации губерний и создании областей. Земское самоуправление. Модель народной монархии.
8. О состоянии нашей Церкви. О необходимости восстановления Патриаршества и преодоления последствий церковного раскола.
9. О приходе как «первичной ячейке» российского общества.
10. Еврейский вопрос в России.
11. Об экономической науке.
12. О семье и браке.
13. О внешней политике России и угрозе мировой войны.
14. Критика капитализма и социализма.

⁸ Наиболее важные из этих работ включены в книгу: *Шарапов С. Ф. Россия будущего.* – М., 200. Следует иметь в виду, что «Бумажный рубль...» в упомянутой книге дан без достаточно обширных приложений. Полную версию этой работы (с приложениями) можно найти в Интернете (сканированное дореволюционное издание).

Как видно из перечня вопросов, ряд из них имеет прямое отношение к экономической жизни России. Пожалуй, никто из славянофилов не уделял вопросам экономики столько внимания, как Шарапов. Поэтому его совершенно справедливо называют славянофилом-экономистом. Среди экономистов в России не было человека с более ярко выраженным славянофильским мировоззрением, чем Шарапов. Среди славянофилов не было человека с более ясным и профессиональным пониманием хозяйственных и финансовых вопросов, чем Шарапов.

С. Ф. Шарапов: особый взгляд на реформы в России во второй половине XIX века

Экономические идеи Шарапова, к сожалению, не были воплощены в жизнь при его жизни. А вот те преобразования, которые проводились в стране после революции (особенно в сталинскую эпоху), наводят на мысль, что наши хозяйственные и финансовые руководители были знакомы с идеями Шарапова и практически претворяли их в жизнь. Сегодня мы ломаем голову, как нам выбраться из тех экономических тупиков, в которые страна попала еще 20 лет назад. В таких же тупиках наша страна пребывала в конце XIX – начале XX в., и Шарапов разработал конкретную программу выхода страны из-под финансово-экономической зависимости от Запада, превращения России в мощную промышленную и сельскохозяйственную державу. Я уверен, что идеи Шарапова не утратили актуальности и в нынешних условиях. Полагаю, что всем патриотам и государственно мыслящим людям сегодняшней России надо ознакомиться с основными положениями экономического учения С. Ф. Шарапова (с книгой Шарапова при желании можно ознакомиться на сайте Института русской цивилизации, где она выложена в электронном виде).

Временной точкой отсчета для своего анализа Шарапов определяет начало 1860-х гг. (он постоянно проводит сравнительный анализ того, что было до этого момента русской истории и что было после него). Шарапов вполне солидарен со многими другими авторами (не только славянофилами), которые связывали радикальные сдвиги в традиционном укладе русской жизни и изменения позиций России в мире с преобразованиями Александра II и его кабинета. Но Шарапов в отличие от большинства других авторов, которые говорили об отмене крепостного права и земельной реформе, фокусирует внимание на денежно-кредитной и финансовой реформе, которая происходила параллельно. Опуская детальный анализ указанной реформы, содержащийся в работах Шарапова, сформулируем лишь его окончательное заключение: *в результате финансовой реформы государство утратило контроль над денежным обращением в стране, а вследствие этого – и контроль над экономикой.*

Какие экономические идеи легли в основу реформ?

Начальный пункт экономических размышлений Шарапова: какими экономическими идеями пользовались государственные деятели тогдашней России? Кому эти идеи были выгодны? Почему эти идеи проросли на российской почве? Можно ли называть эти идеи «научной»? Как достижения этой науки влияли на общественное сознание в стране? Каковы альтернативы разным официальным «теориям»? и т. д.

Финансовые реформы Александра II начались после прихода в министерство финансов в конце 1850-х гг. команды «молодых финансистов» В. П. Безобразова⁹, Е. И. Ламанского¹⁰ и других людей с «новым мышлением» (аналогов современных «реформаторов» Кудрина и Чубайса). Даже по современным меркам перестроечного времени они были действительно «молодыми»: им едва исполнилось 30 лет. Естественно, ни жизненного опыта, ни глубоких знаний у них еще не было. На вооружение ими были взяты *западные финансовые и экономические теории*, согласно которым рынок все «сделает сам». Как видим, экономический либерализм существовал и «правил умами» уже в те времена. Для того чтобы рынок эффективно функционировал, либералы твердили: «свободной игре рыночных сил» не надо мешать (в переводе на русский язык это означает: не мешать биржевикам и ростовщикам заниматься «рыночным разбоем»). Для этого, согласно канонам экономического либерализма, необходимо: а) чтобы государство минимально вмешивалось в экономику; б) чтобы в экономике не было «избытка» денег; в) чтобы на смену бумажным деньгам пришло золото, которое обеспечит автоматически снабжение экономики необходимым количеством денег. В самом начале реформ был учрежден Государственный банк Российской Империи (1861 г.), что соответствовало канонам западных финансовых теорий (при этом в некоторых странах Запада центрального банка еще не было – например, в США). Началась подготовка к переходу на золотой стандарт (а ведь его не было в то время даже в Европе, лишь одна страна – Англия – привязывала свое денежное обращение к желтому металлу). Наконец, началось размещение облигаций государственных займов на европейских биржах, Россия быстро начала накапливать внешний долг (забегая вперед, отметим, что накануне Первой мировой войны Россия заняла первое место в мире по объему внешнего долга).

В итоге Россия получила блестящий позолоченный фасад (на который обращают внимание некоторые современные авторы, ностальгически вспоминая, «какую Россию мы потеряли»). А вот другой стороной этого здания (или этой медали) стали кризисы, безработица, обезземеливание крестьян, бедность и социальная поляризация общества, контроль со стороны западных компаний над целым рядом отраслей российской экономики, быстро растущий внешний государственный долг, уничтожение отечественного товаропроизводителя в промышленности и сельском хозяйстве, хищническое изведение лесов и истощение почв и т. д. Вслед за этим следовало усиление контроля над российской экономикой со стороны европейской биржи и западных банков.

Несколько подробнее остановимся на оценках Шараповым так называемой «экономической науки», которой вооружились тогдашние реформаторы.

⁹ Безобразов Владимир Павлович (1828–1889) – сенатор, академик, экономист и публицист из дворян Тверской губ. – Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 90, 91.

¹⁰ Ламанский Евгений Иванович (1825–1902) – государственный и общественный деятель, предприниматель. В 1863 г. – один из учредителей Петербургского общества взаимного кредита. В 1867–1883 гг. был управляющим Государственным банком. Активно участвовал в создании фондового отдела Петербургской биржи. Являлся учредителем Московского купеческого и Сибирского торговых банков; состоял председателем совета Русского для внешней торговли банка и Волжско-Камского коммерческого банка. Акционер ряда компаний, в т. ч. Березовского золотопромышленного товарищества (под Екатеринбург). Возглавлял 1-й съезд представителей обществ взаимного кредита и 1-й съезд представителей акционерных коммерческих банков. – Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 463.

«Теория» конкуренции как экономическая версия социал-дарвинизма

В своей основной экономической работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)» Шарапов обращает внимание на такой краеугольный камень западной экономической теории как *учение о конкуренции*. Как и сегодня, и 100, и 150 лет назад либералы твердили (ссылаясь на «авторитетов» в лице Адама Смита и Давида Рикардо), что конкуренция – «двигатель прогресса». Я не буду сейчас заниматься детальным критическим анализом этого положения (об этом можно прочитать в моей книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном»), а предоставлю слово Шарапову. Он называет конкуренцию *бесконечной борьбой эгоизмов*, причем эта борьба всех изматывает, обескровливает. Западная экономическая наука, с одной стороны, оправдывает и поощряет конкуренцию; с другой стороны, ищет какие-то способы и ухищрения избавиться от самых одиозных проявлений «борьбы эгоизмов»: «...высоко вознесшее и разнуздавшее хищное человеческое я» обратило «все стороны жизни цивилизованного человечества в огромную арену *бесконечной борьбы эгоизмов*»¹¹. Эгоизмы эти то топят безжалостно друг друга, то, устав в борьбе и впадая в отчаяние, силятся путем холодной рассудочной спекуляции придумать такие нормы и рамки, при которых было бы возможно *кое-как жить*»¹². Далее Шарапов писал, что конкуренция захватывает все сферы и все уровни общественной жизни: «Управляемый *пользой*, экономический мир, по воззрениям западных экономистов, имеет могучим орудием борьбу индивидуальных эгоизмов между собой. В этой борьбе, носящей техническое название *конкуренции*, люди сами собой изошряются и придумывают все более и более совершенные орудия борьбы. Для большего успеха в деле люди сплываются в группы и союзы, удесятерят свои разрозненные силы и начинают бороться уже не человек с человеком, а группа с группой, общественный класс с классом, наконец, народ с народом».

В общем, получается «*война всех против всех*» (Гоббс). Шарапов совершенно справедливо отмечает, что конкурентная борьба не только не соответствует христианским принципам жизни, но прямо ведет к уничтожению христианской цивилизации. Уже в духовно-нравственной оценке Шараповым конкуренции содержится его отношение к капитализму: капитализм и Христианство несовместимы.

Конкуренция как «борьба эгоизмов» стала обыденным явлением даже в российской жизни, люди перестали чувствовать противоестественность этой борьбы, особенно после того как рыночный разбой получил оправдание и обоснование в виде соответствующих правовых норм: «Ясно, что ум мыслителей, окруженный в жизни, в вере и в науке одной борьбой, не мог не перенести ее и в область экономики, где борьба совершается вполне открыто на глазах зрителя, где сильный рвет у слабого, может, торжествуя и радуясь, что непосредственные, ближайшие, по крайней мере, формы борьбы облечены в совершенно приличную оболочку, что нет ни грубого насилия, ни стонов, как в те времена, когда сильные брали слабого за горло. Теперь та же или, может быть, еще более ужаснейшая борьба совершается без воплей и стонов. Утром заглянули в газету, в полдень написали на бумажке несколько цифр – к вечеру часть имущества, а иногда и все имущество одного самым несправедливым по существу образом перешло к другому. Жаловаться некому и не на кого. Вас ограбил не Петр, не Иван, не разбойник рыцарь, вас ограбила биржа, ограбил неизвестно кто, вас раздавила невидимая рука, одетая в мягкую перчатку “правового порядка”».

¹¹ Курсив мой. – В. К.

¹² Здесь и далее (если специально не оговорено) цитаты приводятся из работы «Бумажный рубль (Его теория и практика)» // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 51–173.

Западная цивилизация выпустила из бутылки «джина эгоизма» (или «джина индивидуализма»), а обуздать его никак не может. «Раскупоривали бутылку» с этим «джином» европейские философы, «просветители», экономисты и социологи (яркий их представитель – *Иеремия Бентам* с его теорией «утилитаризма»). Кажется, европейские «ученые» сами в душе ужасаются тем последствиям, которые к этому привел, приводит и будет приводить «джин эгоизма». Западная наука в полной растерянности, и ей ничего не остается, как «делать хорошую мину при плохой игре»: оправдывать свои теории «благотворного» влияния «борьбы эгоизмов» на общество и человека и предлагать какие-то бесполезные «примочки» для зараженного смертельным вирусом «эгоизма» и «индивидуализма» западного общества.

Вот что по поводу кризиса и полной беспомощности западной «науки» пишет Шарапов: «Куда ни взглянешь, повсюду человеческая мысль упирается в отчаяние и небытие. Религия выродилась в атеистический материализм, философия – в пессимизм, государственность – в анархизм, этика – в проповедь чистейшего эгоизма, экономика – в *формальное торжество хитрости и силы, с одной стороны, рабства, нищеты и неугасимой ненависти – с другой*¹³. В приведенном отрывке перечисляются основные черты экономики западной цивилизации:

- а) использование хитрости (обмана) и силы;
- б) рабовладельческий ее характер (если не де-юре, то де-факто);
- в) нищета как результат систематической эксплуатации наемных рабов;
- г) ненависть как наиболее яркое проявление «борьбы эгоизмов».

Примечательно, что все эти свойства капитализма западная экономическая «наука» замалчивает, ретуширует или оправдывает.

Очень немногие русские экономисты осмеливались выступать против ключевого догмата западной экономической науки – конкуренции как «двигателя прогресса». Один из них – Ю. Г. Жуковский¹⁴. Он отмечал, что опыт Западной Европы и Северной Америки свидетельствует лишь о разрушительном влиянии конкуренции: «Конкуренция ведет только к лишним тратам сил и богатств, к взаимному обману, плутовству, наживе незаконными средствами, не к удешевлению товаров, а к их фальсификации»¹⁵. Впрочем, отмечает Жуковский, конкуренция неизбежно ведет к монополии, а это не меньшее зло для общества: «вся наша торговля у монополистов – бесконтрольных и дорого стоящих обществу»¹⁶.

Многие думающие люди в России подчеркивали, что конкуренция – не столько созидаящая, сколько разрушающая сила. Более того, «короли биржи» (выражение С. Ф. Шарапова) заинтересованы в том, чтобы разрушений было как можно больше, поскольку разрушения (банкротства) ведут к перераспределению богатств в пользу немногих капиталистических «акул». Еще один из наполеоновских маршалов остроумно заметил: «*Политика англичан – это естественная история акул. Подкарауливая кораблекрушения, они никогда не чувствуют себя лучше, чем после изрядного урагана*»¹⁷. Скорее всего, маршал имел в виду геополитические «кораблекрушения», которыми пользовались коварные англичане. Но не в меньшей степени можно говорить и об экономических «кораблекрушениях», которые становятся настоящим праздником для «акул» капиталистической биржи. «Акулы» биржи не только пользуются «кораблекрушениями» в экономике, но они эти «кораблекрушения» и создают. И важнейшим средством создания экономических «кораблекрушений» становятся деньги, выпуск которых оказывается в их руках.

¹³ Курсив мой. – В. К.

¹⁴ Жуковский Юлий Галактионович (1833–1907) – экономист, литератор. Управляющий Государственным банком (1889–1894), сенатор.

¹⁵ Цит. по: Жуковский Ю. Г. // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 332.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Цит. по: Шмаков А. С. Международное тайное правительство. – Таллинн, 1999. – С. 66.

О теории и практике «государственного невмешательства»

Во многих своих произведениях С. Шарапов обращает внимание на «заразу» *экономического либерализма*, которая поразила Россию. По сути, теоретическое обоснование конкуренции как движущей силы хозяйства (теорию, которые мы выше рассматривали) – одна сторона медали, называемой «экономическим либерализмом». Другая сторона этой медали – теория невмешательства государства в хозяйственную жизнь, т. е. упование на то, что «рынок сам все сделает». Для этого государство должно исполнять роль «ночного сторожа»: заниматься общественным порядком, правосудием, обороной и т. п., но в экономику не вмешиваться, чтобы не внести искажение в действие рыночных механизмов. Другими словами, во-первых, не заниматься самостоятельной хозяйственной деятельностью; во-вторых, не регулировать и не контролировать деятельность частного бизнеса. Максимум, что допускается государству в части, касающейся хозяйства, – взимать налоги в казну и (при определенных условиях) ограждать внутренний рынок от иностранных конкурентов с помощью импортных пошлин¹⁸. Наиболее последовательные экономические либералы настаивали даже на том, что выпуском (эмиссией) денег должно заниматься не государство, а частные корпорации. Экономический либерализм берет свое начало от английской политической экономии.

Основоположником *английской политэкономии* принято считать Адама Смита (1723–1790). Он полагал, что система, основанная на естественной свободе индивида, свободе рынка и конкуренции, ведет к благосостоянию народа. В свободной конкуренции корыстолюбивых индивидов он видит источник экономического роста, социального порядка и общественного блага. Индивидуализм ведет не к хаосу, а к порядку и процветанию. В своем труде «Богатство народов...» Смит высказывает мысль, что рынок регулируется самостоятельно в процессе конкуренции частных товаропроизводителей и через него лежит путь к экономическому росту и изобилию. Другой представитель английской политической экономии Давид Рикардо (1772–1823) увидел в накоплении капитала пружину экономического роста. Экономическая политика должна быть направлена на то, чтобы способствовать такому накоплению. Он был убежден, что экономическая свобода содействует получению максимальных прибылей, которые могут стать основным источником инвестируемого капитала. Предпринимательство ведет к максимальному экономическому росту, ибо прибыль составляет основу накоплений, которые необходимы государству для развития. Английская политэкономия стала уже весьма популярной среди аристократии и образованных слоев населения России в первой половине XIX века. Об этом, кстати, мы можем судить по роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Например, главный герой Евгений Онегин увлекался модным тогда учением Адама Смита:

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита.

Наверное, из таких скучающих и легкомысленно увлекающихся западным либерализмом молодых людей типа Онегина потом и появлялись «молодые финансисты», о которых писал С. Шарапов в работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)».

¹⁸ «Либерализм (лат. *liberalis* – свободный) – социально-политическое учение и общественное движение, основной идеей которого является самодостаточная ценность свободы индивида в экономической, политической и других сферах жизни общества. Впервые либералами назвали группу людей, готовивших текст конституции в Испании (1812). В Европе понятие *Л.* связано с классическими теориями английских политэкономов, в которых развивалась мысль о невмешательстве государства в экономику. *Л.* выступал за развитие личной инициативы индивидов, свободу торговли, свободное ценообразование и оплату труда, которые образуются в процессе конкуренции между товаропроизводителями на рынке...» (Грицанов А. А. Либерализм // Новейший философский словарь).

Юношеские увлечения либерализмом были небезобидны: вчерашние юноши приходили в государственные министерства и ведомства и проявляли полное бездействие, полагая это «нормой» жизни. Разрушительные последствия доктрины «государственного невмешательства» стали особенно бросаться в глаза, когда в России начались реформы Александра II. Эти реформы сдвинули страну с «мертвой точки», вызвали достаточно бурные экономические и социальные процессы и не вполне прогнозируемые их последствия – процессы, которыми надо было управлять, но которыми государство не управляло. Именно это больше всего удивляло и возмущало Шарапова – еще задолго до того, как он приступил к написанию работы «Бумажный рубль...». За 10 лет до этого Шарапов (под псевдонимом Тарлицкий) опубликовал статью «Что нужно прежде всего для нашего экономического возрождения?»¹⁹, в которой он как никто до него со всей остротой поставил вопрос о необходимости всестороннего и постоянного государственного управления народным хозяйством. Начинает он издали: с известного и печального факта разделения России на две части. Первая часть – «Россия официальная, мнимая, но всепоглощающая и всезаслоняющая». Вторая часть – «Россия подлинная, народная, служащая лишь фундаментом первой, ее корнями». Это не просто разные части, они между собой почти не общаются: «Между этими верхами и корнями нет никакой творческой, живой и деятельной связи, никакого разумения». Все правильно. Об этом говорил не только Шарапов, но и многие народники и славянофилы. Но Шарапов дает объяснение такого разъединения двух частей России, которое до него никто не давал: «И подобное гибельное недоразумение опирается ни больше ни меньше как на целую, якобы научную доктрину, проповедующую невмешательство государства в экономическую жизнь народа!».

И российская правящая верхушка, которая восприняла указанную доктрину, оказалась «святее Папы Римского», т. е. реализовывала ее на практике более последовательно, чем Запад, откуда она пришла: «Как бы ни были различны взгляды на широту прав и задач государства, нигде, кроме России, нет со стороны последнего такого полного отречения от своих существеннейших обязанностей в отношении народного хозяйства. Даже в странах, где принципом государственной деятельности поставлен экономический либерализм, строго и систематически проводимый, никогда государство не отрекалось от положительного творчества в области народного труда. Государственная власть в Англии при полном и безусловном признании свободы личной инициативы и почина более, чем где-либо, служила народному хозяйству. Сила личного почина совокуплялась там всегда с мощью почина государственного, взаимно укрепляя друг друга. Государство направляло все свои силы, всю политику к открытию новых рынков, к облегчению и развитию частной предприимчивости, к защите английского хозяйственного интереса. То же в большей или меньшей степени встречаем мы повсюду, от стран самых просвещенных и до стран самых диких».

С момента написания этих строк Шараповым прошло 127 лет. А такое ощущение, что все сказанное относится к современной России. Уже два десятилетия у нас идут непрерывные экономические «реформы» под флагом «либерализма». Государство сворачивает свое прямое присутствие в экономике, проводя массовые приватизации государственных предприятий, переходящих в руки спекулянтов и иностранцев. Государство снижает долю федерального бюджета в перераспределении национального дохода. Государство отказывает работникам наемного труда в защите их интересов перед натиском корпораций-работодателей. Государство отказывается от регулирования цен и тарифов. Государство не желает более защищать отечественного товаропроизводителя (власти объявили о вступлении России во Всемирную Торговую Организацию, что означает ликвидацию таможенных пошлин, ограждающих российский рынок от импорта). Государство отказывает отечественному товаропроизводителю в деше-

¹⁹ Тарлицкий. Что нужно прежде всего для нашего экономического возрождения? // Русь. – 1885. – № 10, 12 (современное переиздание статьи см.: Базулин Ю. В. Указ. соч. – С. 45–54).

вых кредитах и толкает его в смертельные объятия международных ростовщиков. Наконец, государство не бросает отечественному товаропроизводителю «спасательный круг» во время кризисов. В общем, государство в России последовательно снимает с себя многочисленные обязанности в сфере экономики согласно канонам так называемого «Вашингтонского консенсуса» (доктрина «экономического либерализма», разработанная в Международном Валютном Фонде в конце 1980-х гг. специально для стран периферии мирового капитализма и последовательно навязывавшаяся им Фондом).

А вот на Западе о теориях «государственного невмешательства» порой полностью забывают. Особенно во время острых экономических кризисов. Так, во время последнего финансового кризиса в США казначейство бросило банкам Уолл-стрит «спасательный круг» в виде 800 млрд. долл. А это, между прочим, деньги американских налогоплательщиков. Это не просто отход от доктрины экономического либерализма. Это, как признают некоторые американские эксперты, самый настоящий «банковский социализм»²⁰. Государственный бюджет используется не только для строительства «банковского социализма», но также в качестве кормушки для многих крупнейших корпораций, получающих государственные заказы (регулярно, а не только во время кризисов). Такие корпорации давно забыли, что такое конкуренция и рынок. Они живут при так называемом государственно-монополистическом капитализме, когда происходит сращивание государства и крупного бизнеса²¹.

²⁰ Подробнее см.: Катасонов В. Ю. Гл. 13. Как ростовщики борются с банковскими кризисами // О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1, 2. – М., 2011.

²¹ Подробнее см.: Катасонов В. Ю. Гл. 28. Корпоратизм как современная форма «денежной цивилизации» // Указ. соч.

О государственной бюрократии и пренебрежении отечественным опытом

Но вернемся к дореволюционной России, разделенной на две части, два народа. Со времен Петра I «русское государство все более и более изолировалось. Между Царем и народом возрос официальный государственный строй, работавший все время для *отвлеченной идеи государства*²² и никогда не имевший в виду живого народа. Сложились учреждения – органы этой государственной идеи, работавшие для нее с большим или меньшим успехом. Возникла обширная, разветвленная бюрократия, совершенно заслонившая собой русский народ».

Такое изолированное и «самодостаточное» существование государственной бюрократии было еще терпимо в России крепостной. После начала реформ Александра II все общество пришло в движение: «Насильственный, но привычный союз помещика с крестьянами лопнул, и каждая сторона должна была искать новые экономические формы для своего труда». Помещикам не оставалось ничего другого, как превращаться в предпринимателя-капиталиста. А крестьянин мог себя реализовать лишь как наемная рабочая сила. Но самостоятельно себя реализовать в новых условиях толком не мог ни помещик, ни крестьянин. И все это еще совпало с переворотом в области техники и промышленности: «Железные дороги, телеграфы, газеты, крупные фабрики, таможенная война, погоня более передовых в промышленности наций за новыми рынками – все это обрушилось сразу на Россию и застало ее буквально врасплох».

Казалось бы, в этих условиях на помощь растерявшимся помещикам и крестьянам, становящимся на ноги российским предпринимателям, всему народу, нуждающемуся в железных дорогах и других достижениях технической цивилизации, должно прийти государство с его денежной казной, дешевым кредитом, защитительным таможенным тарифом, казенными заводами и компаниями, рабочим законодательством и т. д.

А что было на самом деле? Шарапов писал: «Официальная Россия в ужасе замахала руками и под влиянием господствовавших теорий стала открещиваться от всякого вмешательства в народное хозяйство. Россия живая – крестьяне, помещики, горожане, промышленники, торговцы – была выдана с головой новому движению и должна была бороться и приспособляться, как умела».

Далее Шарапов отмечает, что русскую историю XIX века с точки зрения отношения государства к народному хозяйству можно разделить на два периода: а) дореформенный; б) после-реформенный.

Первый период выражается «в покровительстве народному труду, пусть даже только механическом – посредством высоких таможенных пошлин, высокого налога на путешественников, внешнего упорядочения государства, умной и бережливой финансовой политики». Особенно такое государственное покровительство проявлялось при Николае I.

Второй период – «эпоха великих социальных и гражданских реформ, эпоха огульного и беспощадного отрицания всего прошлого. Вместе с «либерализмом» политическим воцарился «либерализм» экономический. Увлеченное бурным потоком «прогресса», правительство делало лишь одно – противоположное идеалам и задачам минувшего тяжелого, но экономически умного царствования. Место серьезных министров-хозяев, вроде Канкрин²³, Киселева²⁴,

²² Курсив С. Шарапова.

²³ *Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг)* (1774–1845) – выходец из Германии. Русский государственный деятель, граф, министр финансов (1823–1844 гг.). При нем была проведена финансовая реформа (1839–1844 гг.), установившая систему серебряного монометаллизма и приведшая к замене ассигнаций кредитными билетами. На посту министра финансов его сменил *Вронченко Федор Павлович* (1844–1852). – В. К.

²⁴ *Киселев Павел Дмитриевич* (1788–1872) – государственный деятель, граф, министр финансов (1837–1856), Посол России во Франции (1856–1862). Похоронен в Донском монастыре. – В. К.

занимали совершенно легкомысленные люди, отрицавшие даже саму идею руководства народным трудом и хозяйством²⁵. Управление перестало существовать».

В одной из своих поздних работ «*Финансовое возрождение России*» (1908) Шарапов еще раз с прискорбием констатирует, что сложившаяся в стране финансовая система построена на заимствованных теориях, которые не учитывают особенности русского человека: «Русская финансовая система взяла себе в основание не русскую науку, не данные русской психологии и экономии, а случайные теории, возникшие в странах иного экономического склада и на почве иных экономических данных»²⁶. Почему-то вспоминаются слова из рассказа Николая Лескова (1831–1895) «Железная воля»: «Что русскому хорошо, то немцу смерть; и наоборот». Не исключаю, что идея рассказа могла быть подсказана писателю окружающей жизнью, когда «благородные» сословия в России стали во всем подражать европейцам (хотя в центре его рассказа – немец, живущий в России).

Вот и сегодняшние наши «реформаторы» делают все «противоположное идеалам и задачам прошлого минувшего тяжелого, но экономически умного» периода нашей истории. Речь идет о минувшем советском периоде, когда экономическая функция государства была ярко выражена и проявлялась в планировании народного хозяйства, надежной защите советской экономики от хищных устремлений международных корпораций, регулировании цен и тарифов, освоении природных богатств Севера, Сибири, Дальнего Востока, поощрении научно-технического прогресса, поддержании военно-промышленного потенциала страны и т. п. Сегоднешние власти Российской Федерации стараются замалчивать опыт управления народным хозяйством в советский период, поскольку любое сопоставление того времени и нынешнего – не в их пользу.

В дореволюционной России в ее столице Санкт-Петербурге министерств и ведомств расплодилось множество. При этом ни одно из них за народное хозяйство в целом, как пишет Шарапов, не отвечало: «В государственном механизме России не хватает малого: нет органа, которого прямой задачей являлась бы забота о народном хозяйстве, руководство народным трудом, защита национально-экономических интересов! Вести народное хозяйство, иметь ясный план русской промышленной деятельности, поднимать голос за русский национальный интерес – попросту оказывается *некому*, даже при том непомерном изобилии ведомств и начальств, которым поистине *болеет* Россия».

Вот и сегодня в Российской Федерации имеются различные министерства: финансов, экономики, промышленности и энергетики, сельского хозяйства, регионального развития и др. Плюс к этому Банк России. Но за развитие в целом никто не отвечает. Одно ведомство «борется с инфляцией», другое – отвечает за «удвоение ВВП», третье – обеспечивает «инвестиционный климат» и т. д. А реальное отечественное производство гибнет, цены растут, безработица на высоком уровне, народ нищает, страну лихорадят постоянные кризисы. Уже не приходится говорить, что отсутствует «ясный план русской промышленной деятельности». И это при том, что у нас накоплен уникальный опыт средне- и долгосрочного планирования народного хозяйства в течение нескольких десятков лет²⁷.

Вновь возвратимся к дореволюционной России. Шарапов отмечал, что отсутствие минимальной заботы о народном хозяйстве со стороны бюрократического государства привело

²⁵ Отметим, в частности, что во время царствования Александра II Министерство финансов возглавляли Брок Петр Федорович (1852–1858); Княжевич Александр Максимович (1858–1862); Рейтерн Михаил Христофорович (1862–1878); Грейг Самуил Алексеевич (1878–1880); Абаза Александр Агеевич (1880–1881). – В. К.

²⁶ Шарапов С. Ф. Финансовое возрождение России (Доклад, прочитанный в заседании Русского Собрания в Петербурге 9 марта 1908 г.). // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 206.

²⁷ Первый долгосрочный план был принят в декабре 1920 г. Это был план ГОЭЛРО, рассчитанный на 10–15 лет. Он был направлен на развитие не только электроэнергетики, но всего народного хозяйства страны. Таким образом, советский опыт планирования экономики насчитывает более 70 лет. После Второй мировой войны многие экономически развитые страны (Германия, Франция, Япония, Голландия и др.) изучали и практически использовали этот опыт.

к тому, что благополучие официальной (бюрократической) России оказалось под угрозой: «Наша финансовая политика, имеющая единственной задачей – отыскивать во что бы то ни стало средства для удовлетворения официальной России, становится в тупик. Средства истощены, платательщик разорен, долгов накопилось столько, что делать новые уже не имеет смысла. Русскому государству грозит то же истощение сил, которым страдает и русский народ; правительство пришло к сознанию, что заботу о народном хозяйстве сложить с себя нельзя, что волей-неволей нужно что-то сделать для народного труда и хозяйства». В общем, бюрократическое государство с ужасом увидело, что сук, на котором оно сидит, им же подрублен. Ситуацию надо срочно спасать. Напомним, что Шарапов об этом писал в 1885 г. Как же государственные чиновники стали спасать ситуацию (вернее, самих себя)? Они выбрали самый простой путь: привлекать в Россию иностранный капитал, который будет за правительство «поднимать» и «развивать» народное хозяйство, не думая при этом о последствиях подобного привлечения в страну «капиталистических варягов».

Сегодняшние наши власти, послушно и последовательно проводя политику «экономического либерализма», делают то же самое: они «привлекают иностранные инвестиции», т. е. окончательно подрубают сук, на котором сидят. Как говорится: «История учит, что она ничему не учит». В России это особенно справедливо в отношении тех, кто прилежно выучивает западные экономические теории.

О ядовитых плодах западной финансовой науки

Наиболее важной частью западной экономической «науки», по мнению Шарапова, является *финансовая «наука»*. Финансовая «наука» современности подобна военной науке. Обе изобретают новые орудия борьбы. Та финансовая «наука», которую взяли на вооружение российские «молодые финансисты», была, однако, предназначена не для укрепления позиций России, а, наоборот, для того, чтобы Запад сумел одержать победу над нашей страной. В работе «Бумажный рубль...» Шарапов писал: «В экономике, основанной на борьбе, часть ее, финансовая наука, является совершенно последовательным орудием борьбы. Подобно тому, как военные техники с величайшей быстротой изобретали в последнее время все ужаснейшие орудия разрушения, западная финансовая наука, развиваясь неумолимо последовательно в одну сторону, выковывала наиболее совершенное орудие для экономической борьбы, переводила эту борьбу с маленького единоборства какого-нибудь сапожника с потребителем или ростовщика с должником на борьбу Ротшильда с целым человечеством, на борьбу мира англо-саксонского с германским из-за рынков для мануфактур или на борьбу Америки с Россией из-за золота и пшеницы».

Мысли С. Шарапова о «военной» западной финансовой функции перекликаются с размышлениями близкого к славянофилам русского предпринимателя Василия Кокорева. В книге «Экономические провалы» (1887)²⁸ он писал о славной русской истории и говорил, что Петр Первый сначала на поле боя терпел поражения. Но затем смог «к удивлению всей Европы заявить такой исполинский рост военной силы, что после присоединения Крыма и побед на Альпах, в Польше и Финляндии, через 100 лет от времени Нарвского поражения мы вступили в Париж победителями и даровали всей Европе мир и освобождение от порабощения Наполеоном I. Мы вырастали в военном деле на почве незыблемого сознания своего будущего великого назначения и на силе духа, верующего в народную мощь; но в деле финансов после каждого поражения мы, наоборот, падали духом и, наконец, до того приубожились, что во всех действиях наших выражалось постоянно одно лишь *рабоподрасительное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков*²⁹. Продолжая идти этим путем, мы утратили уважение к самим себе и веру в самих себя»³⁰. «Финансовая война против России настойчиво ведется Европой с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и собственного недомыслия полное поражение нашей финансовой силы», – развивает свою мысль Кокорев³¹.

Итак, едва Россия пришла в себя от войны с Наполеоном, как Европа опять ополчилась против России, причем оружие было применено совершенно новое, неизвестное русскому человеку и даже государственным мужам. Это и не удивительно: к этому времени Европа уже полностью встала на путь капитализма, всем правили короли биржи и банкиры-ростовщики, а у них главным орудием борьбы были не пушки и снаряды, а кредиты и деньги. Говоря о «*собственном недомыслии*», Кокорев имел в виду, прежде всего, легкомысленное восприятие государственными деятелями России западных финансовых теорий, предназначенных не для укрепления, а для ослабления государственной мощи нашей страны.

Справедливости ради следует отметить, что Кокорев на несколько лет раньше Шарапова стал громко и энергично обличать западную экономическую и финансовую науку. Не исклю-

²⁸ Современное издание книги: Кокорев В. А. Экономические провалы: по воспоминаниям с 1837 года. – М., 2005. Указанная работа размещена в Интернете. В сокращенном варианте работа имеется также в следующем источнике: Платонов О. А. Русская экономика без глобализма. – М., 2005.

²⁹ Курсив мой. – В. К.

³⁰ Платонов О. А. Русская экономика без глобализма. – С. 329.

³¹ Там же. – С. 328.

чено, что именно Кокорев, которого называли «экономическим славянофилом», подвиг Шарапова на размышления о том, какой должна быть денежная система в русском самодержавном государстве. Кокорев особенно акцентировал внимание на том, что западные финансовые теории загоняли Россию в долговую кабалу западным ростовщикам. Кокорев отмечает, что «новые финансисты» эпохи Александра II «сговорились с нашими западными завистниками и стали соединенными силами... проводить идею... о невозможности Верховной Власти разрешать – без потрясения финансов – печатание беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общепользные государственные потребности... Мы могли бы на эти деньги построить дома у себя, все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы, неизвестно почему и зачем, не решились отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу Всероссийского правления, и *всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений* ... Теперь... мы взвалили на народную спину такой долг по платежу, который поглощает почти треть из общего итога государственных приходов... *Вот вам и теория, вот вам и плоды каких-то иностранных учений и книжеск!.. Извольте-ка теперь тянуть лямку платежей, в которую запряжена Русская жизнь лжемудрою теорией на целые полвека*»³².

Ядовитые плоды применения в России западной финансовой «науки» стали созревать достаточно рано. Шарапов пишет: «Финансовая наука выдвигает свои законы, а жизнь им совершенно противоречит. Финансовая наука на основании своих умозрений рекомендует те или иные меры, жизнь их отвергает. Наконец, финансовая наука предсказывает явления, вычисляет их и соображает, а в действительности получается совсем другое, иногда прямо противоположное».

По мнению Шарапова, и за пределами России были умы, которые предлагали альтернативные модели финансового устройства, но в России их теории (и даже имена) замалчивались либо оплевывались. В числе экономистов и государственных и общественных деятелей, которые приближались к пониманию того, как должна быть построена финансовая система, Шарапов в работе «Бумажный рубль...» называет финансиста-практика XVIII века *Джона Ло* (сочинения которого плохо поняты и почти полностью забыты, а облик Джона Ло даже в современной России демонизирован и искажен)³³; некоторых *социалистов-утопистов* (без упоминания конкретных имен); немецкого экономиста *Фридриха Листа* (как впервые признавшего великую роль нравственного начала в экономической науке); *Адольфа Вагнера* (специально посвятившего России огромный труд, «долгое время считавшегося чем-то вроде финансового у нас Евангелия»); *Робертуса* («к сожалению, только наметившего истинные законы денежного обращения в своей знаменитой книге “Исследования в области национальной экономики классической древности”, но отнюдь их не разрешившего»).

³² Платонов О. А. – С. 332. Курсив мой. – В. К.

³³ Кое-что о Дж. Ло можно найти в моей книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном». Кн. 1. – С. 187–188.

Не наука, а «гимн золоту»

В работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)» С. Шарапов пишет: «Если бы кто-нибудь вздумал действительно научным образом изложить и осветить западные финансовые теории, он убедился бы с первого шага, что на Западе денежной теории *вовсе нет*, а есть теоретические рассуждения *о золоте как деньгах и о замещающих их суррогатах*».

Шарапов заостряет внимание читателей на золоте, поскольку указанная работа преследует двоякую цель: с одной стороны, представить проект здоровой денежной системы для России; с другой стороны, предотвратить переход страны к золотому рублю, который готовил тогдашний министр финансов С. Ю. Витте. В связи с этим Шарапов и анализирует господствовавшие в Европе финансовые теории, которыми со временем заразились правящие круги России. И приходит к выводу, что это не научные теории, а лишь средства одурачивания и закрепощения народов теми, кто сосредоточил золото в своих руках.

Шарапов делает очень парадоксальное утверждение (парадоксальное для тех, кто учился по общепринятым учебникам экономики): *золото – лишь товар, но не деньги; в полном смысле деньгами золото никогда не было*. Это заявление диаметрально противоположно принятому в финансовой «науке» мнению, что самыми лучшими деньгами является золото: «С самых отдаленных времен, после перехода античного мира с его натуральным хозяйством к хозяйству денежному, лучшими и почти единственными деньгами считалось золото. Оно действительно с большим удобством исполняло роль денег. Но в сущности это были не деньги, а был “всем нужный товар”, разделенный на точные весовые количества. Понятие о деньгах, совершенно отвлеченное, было привязано, воплощено в металлическом кружке такого-то веса. Таким оно осталось и в наши дни: отвязать, освободить его не пыталась вовсе западная финансовая наука.

При всех неудобствах золота при явной кабале, в которую *только ради золота* впадают иногда целые государства, оно давало единственную, но очень важную гарантию: прибавить по производству золота было почти нельзя, в природе его немного, наличное все размещено в чью-либо собственность, следовательно, никакое злоумышление правительства не может нарушить естественного уровня цен; накопивший золото всегда богат, ибо невероятно, чтобы вдруг были открыты слишком обширные залежи золота и оно, сразу прибавившись в количестве, упало бы в цене.

Все это соображения очень веские, но с наукой ничего общего не имеющие».

В этом отрывке важными являются слова *«накопивший золото всегда богат»*. Это соображение, действительно не имеющее отношения к науке, но практически важное. Можно сказать, что *золото – богатство номинальное или потенциальное*. Само по себе золото реальным богатством не является (вспомним историю про царя Мидаса) и нового реального богатства не создает. Но в руках тех, кто его накопил, золото становится *средством перераспределения уже созданного реального богатства в свою пользу*. Такова тайна золота, и те, кто ее не знает, становятся рабами тех, кто обладает золотом (Шарапов пишет о том, что целые государства впадают в кабалу только ради золота). Если тайна будет раскрыта, то золото потеряет силу. Вот хозяева золота и создают финансовую «науку». «Наука», которая всем людям внушает, что самое истинное богатство – золото, а государствам, что самые настоящие деньги – золотые.

Шарапов приводит в «Бумажном рубле...» пространную выдержку из книги И. Кауфмана³⁴, посвященную описанию золота (на трех страницах). Коротко об авторе. Кауфман Илларион Игнатьевич (1848–1915) – российский экономист, профессор финансового права Петербургского университета. Как член Совета Государственного Банка участвовал в разработке денежной реформы С. Витте. Многие авторы считают Кауфмана основным разработчиком

³⁴ Кауфман И. И. Кредит, банки и денежное обращение. – СПб., 1873.

реформы. Современный исследователь дореволюционной экономической мысли пишет, что период творчества Кауфмана «совпал по времени с очередной волной российских либеральных реформ. Этот виток “перестройки” можно назвать буржуазным... Это, конечно, не могло не сказаться на его творчестве... В этом либеральном процессе И. И. Кауфману досталась роль “агитатора и пропагандиста” капиталистических отношений»³⁵.

Итак, приводим начало указанной выдержки: «Богатство, принявшее форму золота и серебра, воплотившееся в драгоценно-металлическом теле, может всего более сохраняться, всего менее бояться разрушительного влияния времени, всего менее ему подчиняться и, напротив, само всего более над ним господствовать. Но золотое и серебряное тело сверх того имеет то преимущество, что оно одинаково предлагает свои услуги большому и малому богатству: золото и серебро почти до бесконечности делимы и потому могут в себе воплощать богатства самых разнообразных размеров...». Кончается эта пространная цитата следующим: «Драгоценные металлы ставят обладателя ими в центральное положение, равно удаленное от всех пунктов, к которым ведет экономическое движение, и, стало быть, дающее возможность достигнуть с наибольшей скоростью... Всякий, кто обменивает свои товары или оказываемые им услуги на драгоценные металлы, становится через то в центр самого обширного круга, в котором он скорее всего может достигнуть каждого из его периферических пунктов». Примерно в том же восторженном духе писали о золоте и драгоценных металлах авторы других российских учебников по деньгам и кредиту во времена Шарапова³⁶.

Шарапов называет это описание «*поэтичным гимном золоту*», выражающим отношение евреев к желтому металлу: «Если мы припомним историю еврейского народа после его рассеяния, его психологию с основной чертой грубой *утилитарности* и стремлением к грубому же материальному владычеству над всем остальным человечеством, мы поймем своеобразную поэзию этих великолепных строк»³⁷.

Золото, денежная система, основанная на золоте, по мнению Шарапова, – средство реализации стратегических устремлений еврейского народа, которое способствовало нравственному падению всего человечества: «Вот оно, уже не только деловое, но чисто философское выяснение роли и значения золота»³⁸. Безграничная свобода и, прибавим, безграничная власть капитала – капитала, не знающего ни родины, ни нравственных законов, – таков еврейский миродержавный идеал. И этот идеал, эта власть путем основанной на золоте денежной системы открыто провозглашены и могущественно легли над миром». Фактически в этих строках Шарапов раскрыл духовно-религиозные корни современного капитализма³⁹.

Мысль Шарапова о еврейском авторстве «гимна золоту» позднее была развернута и углублена последователями С. Шарапова, в частности русским монархистом Н. Е. Марковым⁴⁰: «Но все, что исходит от еврейства, неизменно сохраняет особый – чисто еврейский – дух одно-

³⁵ Базулин Ю. В. Указ. соч. – С. 238–239.

³⁶ Да что там дореволюционные учебники! Мне пришлось в конце 1960-х гг. учить политическую экономию капитализма по известному старшему поколению учебнику Э. Я. Брегеля. Там про золотые деньги говорилось примерно то же самое, что и у Кауфмана. Хотя золотой стандарт (в его усеченной, золотодолларовой модификации) доживал уже последние годы.

³⁷ Из книги Кауфмана. – В. К.

³⁸ Речь идет о «гимне золоту», содержащемся в книге Кауфмана. – В. К.

³⁹ Через девять лет после работы «Бумажный рубль (Его теория и практика)» Шарапова вышла книга немецкого социолога Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1904), в которой была предпринята попытка раскрыть духовно-религиозные корни капитализма. М. Вебер связывал происхождение капитализма с протестантизмом, что является достаточно поверхностным объяснением. С нашей точки зрения, Шарапов в лаконичной форме дал более глубокое объяснение происхождения капитализма.

⁴⁰ Марков Николай Евгеньевич (Марков Второй; 1866–1945) – русский политик правых взглядов и публицист, потомственный дворянин. Один из учредителей Курской народной партии порядка, которая впоследствии вошла в Союз Русского Народа. В 1905–1917 гг. издавал газету «Русское знамя»; с осени 1915 г. – также «Земщину». Депутат Государственной Думы III и IV созывов от Курской губ. Монархист, один из лидеров черносотенцев. С 1910 г. – председатель Главного совета Союза Русского Народа.

стороннего расового утилитаризма. Даже отвлеченные понятия о добре и зле в еврейском представлении претворяются в утилитарные понятия пользы и вреда... пользы и вреда для евреев. *Это до того верно, что в еврейском языке вовсе нет слов добро и зло, а те слова, которые должны выражать эти понятия, по существу означают польза и вред*⁴¹. Хорошо все то, что полезно для еврейства, и наоборот – таков склад еврейского ума и еврейской совести»⁴².

Соответственно экономическая (и финансовая) «наука», навязанная человечеству мировыми ростовщиками (носителями еврейского духа), оперирует понятиями пользы и вреда, выгоды и убытка, коммерческой эффективности и рентабельности и начисто лишена понятия добра и зла, апеллирует к эгоистическому чувству, а не совести. Марков фактически подтверждает мысль Шарапова о том, что пришедшая в Россию так называемая финансовая «наука» абсолютно чужда духу русского человека: «В области обмена ценностей, торгового оборота и в особенности в области финансовых ухищрений евреи всегда обладали выдающимися знаниями и талантами и чрезвычайной изобретательностью. Поэтому и финансовая наука вообще и учение о деньгах в особенности почти всеми своими главными положениями своими и принципами обязаны еврейскому уму, еврейской указке»⁴³.

Современник С. Шарапова, Г. В. Бутми, сделал очень важное наблюдение: почти вся российская профессура, занимавшаяся вопросами денег, финансов, права, выступала за золотой рубль. В чем причина такого единодушия? Очевидно, что от введения золотого рубля выигрывали банкиры, потому что деньги становились дорогими, соответственно, все их финансовые активы (требования) становились более «весомыми». Банкиры выигрывали, а люди труда проигрывали, ибо им для покрытия своих обязательств перед банкирами (погашения долгов) надо было произвести и продать больше товаров. Исключение, как отмечал Бутми, составляла интеллигенция: «Интеллигенция больших городов состоит главным образом из лиц, получающих определенное денежное содержание. Вздожание денег доставляет им больше товаров за те же деньги – выгодно для них. Представители кафедральной науки стоят ближе к интересам городской интеллигенции, среди которой они живут, чем к интересам промышленности и земледелия, с которыми они знакомы лишь теоретически. И представители кафедральной науки, за немногими, выдающимися исключениями, защищают золотую валюту, дающую и им самим больше удобства за те же деньги»⁴⁴.

⁴¹ Курсив мой. – В. К.

⁴² Марков Н. Е. Русские деньги. // Войны темных сил. Статьи 1921–1937. – М., 2002. – С. 421.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Бутми Г. В. Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. – СПб., 2000. – С. 27.

Единомышленники и последователи С. Шарапова о «тайне золота»

Сергей Федорович был одним из первых в России, кто подверг сомнению и разоблачению официальную финансовую «науку» с ее «гимном золоту». Он дал толчок очень глубоким и ярким работам других талантливых русских мыслителей, которые продолжили активную деятельность по раскрытию «тайны золота». Среди них – Г. В. Бутми, А. Д. Нечволодов, А. В. Васильев, П. В. Оль, Н. Е. Марков (Марков Второй), Н. Н. Зворыкин и многие другие истинные патриоты России.

Здесь мы вспомним одного талантливого русского исследователя и писателя, генерала А. Д. Нечволодова, который жил примерно в одно с Шараповым время. В небольшой, но очень емкой по мыслям книге «От разорения к достатку» (1906 г.) Нечволодов развивает и углубляет мысли Сергея Федоровича по поводу золота и тех «научных» теорий, которые были созданы вокруг него. Нечволодов подтверждает: *финансовая «наука» очень много и восторженно говорит о золоте, но при этом не раскрывает «тайну золота»*. Вот основные положения работы Нечволодова, касающиеся золота как денег.

Положение первое. Золото не является реальным богатством: «...золото в деньгах *само по себе* никакой реальной ценности не имеет, т. к. не имеет никакого практического применения, а служит лишь знаком обмена всех остальных реальных ценностей для человека: земли, хлеба, угля, предметов роскоши и проч.»⁴⁵.

Положение второе. Золото не может быть постоянным и неизменным измерителем стоимости (ценности) других товаров. Нечволодов критикует Маркса, А. Смита и других представителей классической политэкономии, которые говорят о том, что ценность золота неизменна: «...по общепринятому ходячему понятию, ценность золота *неизменна* вследствие его неизменяемости от времени и незначительности ежегодного прироста из земли; величина же всех остальных ценностей, покупаемых на это золото, *изменяема* и зависит от спроса и предложения. Последнему учит отец всей современной политической экономии Адам Смит, и этому положению все поверили...

Создатель же современного социализма Карл Маркс, строя всю свою теорию на строго научных началах, доказал также строго научным способом – неизменную ценность золота. Читаем у Нечволодова критический разбор «Капитала»: «“Деньги как мера стоимости, – говорит Карл Маркс, – есть необходимая форма проявления внутренней (имманентной) меры стоимости товаров – рабочего времени. Цена есть денежное название рабочего времени, овеществленного в товаре. Вследствие того, – продолжает он, – что товары выражают в золоте свою относительную стоимость, золото относительно их играет роль меры стоимостей (всеобщего эквивалента)”»; поэтому, по формуле Карла Маркса:

20 аршин холста = 1 сюртук;

10 фунтов чаю = 2 унциям золота.

Другими словами, предполагая, что для производства 20 аршин холста, 1 сюртука и 10 фунтов чая надо по 40 ч. рабочего времени, для добычи двух унций золота требуется также 40 ч. рабочего времени.

Это научное доказательство неизменной стоимости золота, основанное на количестве рабочих часов, необходимых для его извлечения из недр земли, включает в себя *величайшее недоразумение*, на котором построено, однако, все учение Маркса о капитале... »⁴⁶.

⁴⁵ Нечволодов А. Д. От разорения к достатку. – СПб., 2007. – С. 36.

⁴⁶ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 37–38.

Положение третье. Это положение раскрывает полностью *тайну золота*. Пока золото – обычный товар, то его ценность действительно определяется общественно необходимыми затратами труда на производство (добычу). Когда деньги приобретают статус денег (всеобщего эквивалента), то их ценность определяется совсем по другому принципу: ценность накопленного запаса золота = объему всех остальных ценностей, которые имеются у человечества и которые становятся объектом реального (или потенциального) обмена на рынке. Или, по крайней мере, ценность каждой унции золота находится в прямой зависимости от объема всех остальных ценностей, которые обмениваются (или могут обмениваться) на рынке. Понятно, что запас золота растет медленнее, чем запас всех остальных ценностей, поэтому *ценность золота как денег неизбежно увеличивается во времени. Поэтому обладатели (монопольные владельцы) золота будут стремиться к тому, чтобы золото сделать деньгами!*

Нечволодов выделяет *два момента, связанных с раскрытием «тайны золота»*. Момент *первый* связан с тем, что даже если ценность золота выводить из затрат труда на его добычу, то эта ценность не является чем-то постоянным. Гораздо более постоянной является ценность других товаров, на производство которых заранее известно количество потребных часов труда (например, производство ткани, одежды, колбасы и т. п.): «Именно ценность золота не может определяться количеством рабочих часов, потраченных для его добычи, т. к. условия ее *совершенно различны*: они всецело зависят от процента содержания руды в земле, колеблющиеся от 2 долей до нескольких золотников на сто пудов земли, от орудий промывки, от времени, потребного, чтобы добраться до рудника от мест постоянного жительства и проч. Наконец, случается, что даже по одному этому определять стоимость золота в зависимости от количества часов, потраченных на его разработку, – *явно нелепо*»⁴⁷.

Момент *второй* связан с тем, что мы вообще не можем класть в основу цены (ценности) золота количество часов, затраченных на его добычу. Ведь золото – не потребляемый товар, а все остальные товары – потребляемые (с той или иной скоростью). Как мы можем сравнивать 1 сюртук, который сшит сегодня, с золотом, которое было добыто неизвестно когда (может быть, во времена царя Соломона)? Цена на все накопленное за тысячелетия золото определяется не количеством часов, затрачиваемых сегодня на добычу 1 унции желтого металла, а чем-то иным. Если золото приобретает функцию денег, тогда его ценность напрямую начинает зависеть от общей массы товаров, которые реально или потенциально могут стать объектом купли-продажи, т. е. его ценность в этом случае зависит от спроса на золото как средство обмена: «Главное же недоразумение заключается в следующем: допустим даже, несмотря на явную нелепость, что при извлечении золота из недр земли затрачивается в среднем на каждые две унции 40 рабочих часов, мы все-таки *отнюдь не можем его считать эквивалентом* для определения стоимости продуктов человеческого труда, и вот почему.

Золото, добытое из недр земли, остается *навсегда неизменным*, а все продукты человеческого труда подвержены *изменению и уничтожению*, начиная от свежеспеченного хлеба и кончая египетскими пирамидами. Поэтому если 2 унции золота и приняты в каждый момент при обмене равными по стоимости товару, на производство которого затрачено 40 рабочих часов, то громадная разница в положении потребителя товара и хозяина золота. Потребитель товара для того, чтобы вновь получить такое же количество его, должен истратить 40 рабочих часов на производство какого-либо труда, обменять это производство на 2 унции золота и купить на него известное количество нужного товара, затем потребить его, опять же приняться за работу и т. д. Хозяева же золота не работают; они только отдают его взаймы для производства операции обмена, а затем получают его обратно, но уже с процентом в золоте же, купленном ценой человеческого труда, и *так при каждом обороте*»⁴⁸.

⁴⁷ Там же. – С. 38.

⁴⁸ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 38–39.

На основании вышеприведенных рассуждений генерал Нечволодов делает ошеломляющий вывод, который раскрывает так называемую «тайну золота»: «Поэтому каждые две унции заключают в себе не 40 рабочих часов, а миллиарды их, причем ввиду того, что количество золота крайне мало сравнительно с потребностями для человечества в знаках обмена, стоимость его обладания, хотя бы на самое короткое время, нужное для обмена, все возрастает, но не прямым путем его вздорожания, а *скрытым*, выражающимся в понижении стоимости товара, т. е. человеческого труда.

Вот истинная, чисто магическая ценность золота: в нем благодаря его неизменяемости незаметно сосредотачивается весь труд и капитал человечества, временно пользующегося им лишь с целью обмена своих произведений труда»⁴⁹.

Итак, в своей работе «От разорения к достатку» Нечволодов дал развернутое объяснение слов Шарапова из работы «Бумажный рубль...»: «Накопивший золото всегда богач». Навязывание человечеству (в том числе России в конце XIX века) золотого стандарта – это попытка создать мировыми ростовщиками основанного на золоте механизма перекачивания богатств мира в карманы (сейфы) ростовщиков. Этот механизм основан на использовании ростовщического процента и монополизации желтого металла в руках ростовщиков. Фактически в их руках оказался идол – золотой телец. Язычники, каждый раз желая поклониться своему боже-ству, должны платить ростовщикам за право доступа к своему идолу.

Нечволодов, как и Шарапов, очень отрицательно относился к марксизму – как лукавой и провокационной теории. Генерал, в частности, обращает внимание на то, что «гениальный» Маркс аккуратно обошел стороной в своем толстенном «Капитале» «тайну золота»: «Это, разумеется, отлично понимал Карл Маркс как еврей. Но ему, конечно, невыгодно было объяснить тайную силу, заключающуюся в золоте, непосвященным, а потому он и дал научное определение его стоимости в рабочих часах как “необходимой формы проявления внутренней (имманентной) меры стоимости товаров – рабочего времени”»⁵⁰.

И Шарапов, и Нечволодов одинаково считали, что если бы человечество понимало эту «тайну золота», то, наверное, пути исторического развития могли бы быть иными; тогда люди не стремились бы совершать социальные революции и двигаться по пути строительства коммунизма (как к этому призывали классики марксизма-ленинизма), а добивались бы изменения денежной системы (т. е. целенаправленно боролись с торговцами золотом и ростовщиками). Нечволодов писал: «Если выяснить это недоразумение в понятии неизменности ценности денег, т. е. золота, поставленным Адамом Смитом и Карлом Марксом в основании своих учений, то, конечно, все современные теории политической экономии, неизбежно приводящие к социалистическим принципам, совершенно неприменимым к жизни, сейчас же рухнут, и человечество может пойти по новым путям, имея впереди самые светлые и притом достижимые идеалы, простым изменением своих понятий о деньгах»⁵¹.

Эта мысль Нечволодова очень созвучна с идеями Шарапова, который был одинаково критично настроен в отношении как тогдашнего капитализма, так и проектов социалистического переустройства мира на основе учения Маркса. А «понятия о деньгах», которыми руководствовались русские люди в XIX – начале XX века, были в своей массе превратными, они базировались на западноевропейской политической экономии и финансовой «науке», которые проповедовались с кафедр российских университетов. Эти искаженные марксизмом, буржуазной политической экономией и западной финансовой «наукой» «понятия о деньгах» облегчили Витте и другим агентам Ротшильдов в России навязывание русскому народу золотого рубля. А введение в конце XIX века золотого рубля способствовало, в свою очередь, разорению страны

⁴⁹ Там же. – С. 39.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 40.

мировыми ростовщиками и в итоге привело к социально-политическим катаклизмам начала XX века.

Уже после С. Шарапова, Г. Бутми, А. Нечволодова о «тайне золота» стали писать и другие русские патриоты. Особенно понятной эта «тайна золота» стала после таких катаклизмов, как Первая мировая война, февральская и октябрьская революции 1917 года. Находясь в эмиграции, известный деятель монархического движения Н. Е. Марков написал в 1926 г. статью «Русские деньги», в которой помимо всего подчеркнул роковую роль некритического отношения русского человека к пришедшим из-за рубежа учениям о золоте: «Нееврейское человечество допускало большую неосторожность, долгое время принимая, без необходимого отслеживания, блестящие с виду открытия и положения еврейского финансового творчества. К числу таких якобы бесспорных и якобы научных постулатов относится и *учение о золоте как единственно возможном основании денежной системы*⁵² культурного государства. Другая столь же сомнительная и для не евреев столь же опасная *финансовая доктрина гласит, будто для блага всех народов необходимо установить единую международную монету и ввести единую для всего света денежную систему*»⁵³.

Н. Е. Марков, досконально проанализировав уроки русских революций, понял, что в итоге игры мировых ростовщиков с золотом, в которые они втянули в XIX веке Россию, – часть общего плана по установлению ими мирового господства. И предупреждал о смертельной опасности, которая исходит от иноземных учебников, ведущих к духовному порабощению русского человека: «Наивное человечество только теперь, после “планетарных” уроков наглядного обучения, преподанных иудо-большевиками в России, начало понимать, что далеко не все полезное для еврейства есть действительное добро и что, начиная с объединения монеты, почты, таможни и паспортов, народам легко докатиться до международного объединения суда, войска, управления, религии и, как венец, до исчезновения самих народов в океане безнародного, безземельного и безбожного Интернационала... Те, кого не влечет идея национального самоуничтожения... должны отложить в сторону еврейские учебники...»⁵⁴.

⁵² Курсив мой. – В. К.

⁵³ Марков Н. Е. Указ. соч. – С. 422. Курсив мой. – В. К.

⁵⁴ Марков Н. Е. Указ. соч. – С. 422.

Российские финансовые реформы: беспечность, продажность и невежество

Причин того, что Россия в части, касающейся ее финансов, живет чужим умом, по мнению Шарапова, несколько.

Первая причина. В России к середине XIX века не сложилось необходимого понимания того, как должна выглядеть финансовая система страны. Отсутствие в России собственной финансовой теории привело к пагубным последствиям, дорогим ошибкам, за которые, как говорил Шарапов, «нам еще долго расплачиваться»: «Если бы существовала истинная финансовая наука, если бы государям, начиная с Александра II, не приходилось доверяться искусству выдвинутых общественным мнением или случаем лиц, призванных к заведованию государственным хозяйством, можно было бы смело быть уверенным, что такая же мудрая настороженность (выше автор говорил о той настороженности, которую проявляли русские самодержцы, когда предлагалось выпускать дополнительное количество бумажных денежных знаков. – В. К.) была проявлена и в остальных отраслях финансового дела. Не было бы произведено бесполезной ломки старых кредитных учреждений, были бы найдены иные финансовые основания для великой реформы 1861 года, иначе были бы выстроены русские железные дороги, не было бы сделано столько угнетающих Россию внешних и внутренних займов. Но финансовой науки не было, были теоретики-доктринеры, рядившиеся в западную ученость»⁵⁵.

В момент, когда была написана книга «Бумажный рубль...», Россия была на пороге новой реформы – перехода к золотому рублю. А убедительного научного обоснования этой реформы не было. Здравый смысл говорил против этой реформы. Но в России привыкли верить в теории, а не в здравый смысл. Шарапов считал, что для противостояния готовящейся денежной реформе тогдашнего министра финансов С. Ю. Витте нужно было здравый смысл облечь в привычные для чиновников одежды «научной теории»: «Господствовали западные теории, которые к настоящему времени показали свою полную несостоятельность. Необходимо создавать собственную финансовую науку. Актуальность этого возрастает в связи с тем, что власти готовятся переводить денежную систему России на *золотой рубль*. Альтернативой золотому рублю являются *абсолютные деньги*». Книга С. Ф. Шарапова «Бумажный рубль...», изданная в 1895 г., призвана была убедительно показать научную альтернативу золотому рублю в виде абсолютных (бумажных) денег. Это было необходимым, но не достаточным условием успеха в борьбе с Витте и его сторонниками по поводу золотого рубля.

Вторая причина: продажность и беспринципность русской «ученой публики», готовой одобрить и обосновать все, что необходимо политической и особенно денежной власти. О ней Шарапов пишет в своем романе «Иванов 16-й и Соколов 18-й (политическая фантазия, продолжение романа “Диктатор”): «Значительное число ученых прямо продалось бирже и проповедует то, что ей на руку. Этим, между прочим, мастерски воспользовался Витте. В его время чуть ли не все европейские знаменитости были на содержании у кредитной канцелярии. Из наших он тоже наwerbовал немало. Вспомните, например, покойного Миклашевского. До Витте дал чудесные работы по бумажным деньгам, затем поговорил с Сергеем Юльевичем – и начал воспевать золото. Также были завербованы Чупров, Постников, Янжул, Озеров и др., я таких знаю человек десять из наших профессоров. Европейцы тоже. Знаете ли вы, что последняя статья Леруа Болье в “Neue Freie Presse”, наделавшая столько шума, была написана в кабинете у Витте? Зачем в Париже сидит Рафалович? Почему ни одна русская газета не напечатает против золотой валюты?» – эти слова произносит герой романа Соколов.

⁵⁵ Шарапов Ю. Ф. Бумажный рубль (Его теория и практика).

Впрочем, была *еще одна причина* быстрого продвижения разрушительных для России теорий и реформ – невежество высшей власти, которая не понимала сущности предстоящих преобразований. Невежество сосуществовало рядом со слепой, почти религиозной верой в истинность западных финансовых теорий и вытекающих из них реформ: «Верховная власть волей-неволей санкционировала *на веру* ряд мероприятий, объема и сущности коих не понимали даже сами их авторы, один за другим сходявшие со сцены, натворя бед России», – писал Шарапов.

Кстати, на «*собственное недомыслие*» как причину наших экономических и финансовых провалов обращал внимание Василий Кокорев: «Финансовая война против России настойчиво ведется Европой с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и *собственного недомыслия*⁵⁶ полное поражение нашей финансовой силы»⁵⁷.

Шарапов государственную бюрократию, которая начала финансовые реформы в России, называл «молодыми финансистами». А Василий Кокорев назвал их *фирмой «они»*, подчеркивая, что реформаторы предпочитали действовать анонимно, по крайней мере, без лишней огласки⁵⁸. В своей книге «Экономические провалы» он перечисляет «заслуги» перед Россией этой таинственной фирмы «они»:

1. «Либеральные нововведения, уничтожив для помещиков кредит, лишили десятки тысяч помещичьих семейств возможности жить в своих имениях. На почве этого бедствия вырос нигилизм.

2. Затем фирме «они» принадлежит распространение пьянства посредством безграничного количества кабаков, разрушение сельского хозяйства от уничтожения мелких винокурен.

3. Вовлечение России в заграничные займы вследствие недопущения русского народа кредитовать правительство своим трудом с получением за этот труд беспроцентных бумаг».

Общее следствие: «Совокупность этих зол, конечно, гораздо более причинила вреда России, чем 1812 г., Севастополь, холера и все другие пережитые нами бедствия»⁵⁹.

Все сказанное еще в XIX веке В. Кокоревым и С. Шараповым в полной мере относится к нашим современным «реформам» и их «научному» обоснованию. Это «научное» обоснование, в котором участвовали такие украшенные академическими и учеными титулами «умы», как А. Яковлев, Г. Явлинский, Е. Гайдар, Е. Ясин, Г. Попов и др., представляет собой адскую смесь, замешанную на невежестве, продажности и беспечности.

⁵⁶ Курсив мой. – В. К.

⁵⁷ Платонов О. А. Русская экономика без глобализма. – С. 328.

⁵⁸ В связи с этим вспоминается книга доктора И. Ландовского «Красная симфония (откровения троцкиста Раковского)». Первоначально была издана за рубежом на испанском языке, у нас вышла на русском языке в 1996 г. в издательстве «Вестник». Эта книга представляет собой подробное изложение протоколов допросов в Москве во второй половине 1930-х гг. известного партийного и государственного деятеля Х. Раковского, обвиненного в связях с троцкистами и мировой «закулисой». Раковский на допросах рассказал много интересного о своих личных связях и связях других троцкистов с мировой «закулисой», представляющей собой всемирную финансовую олигархию. Примечательно, что Раковский предпочитал для обозначения представителей мировой масонской и финансовой элиты использовать слово «они».

⁵⁹ Кокорев В. А. Указ. соч. – С. 28.

Незатейливое финансовое правило, или удушение России на «научной» основе

Денежные власти России из всей западной финансовой науки выучили только одно незатейливое правило: самое опасное для денежного обращения и экономики – избыток денег. Это правило было ими заучено как религиозный догмат, как «символ веры» религии под названием «экономический либерализм». Поэтому власти для себя выработали еще одно правило: пусть лучше денег будет меньше, чем больше необходимого. Кстати, Шарапов обращает внимание, что религия «экономического либерализма» не могла дать внятный ответ на вопрос: сколько же денег необходимо экономике? Много их в обращении в данный момент или мало? И сегодня проповедники «экономического либерализма» (например, представители экономической теории монетаризма) путаются в ответах на этот вопрос. На вполне «научной основе» денежные власти России в течение полувека (с момента реформы начала 1860-х гг. до Первой мировой войны и революции 1917 года) «сжимали денежную массу», т. е. душили российскую экономику на радость врагам нашей страны и западным ростовщикам. В середине XIX века на одного жителя России приходилось в среднем около 30 руб., что было эквивалентно 120 французским франкам. К 1914 г. эта сумма сократилась до 10 руб., или 25 франков⁶⁰.

Вот краткий итог четырех десятилетий (1857–1906) финансовых реформ, направленных на «денежное удушение» русского народного хозяйства, который сделан самим Шараповым в его работе «Земля и воля... без денег»:

«К 1 января 1857 г., по официальным сведениям, в народном обращении находилось... 2 048 297 000 руб. Государственный бюджет в 1857 г. был 255 млн. руб., жителей в империи было 65 млн. человек.

На 1 января 1906 г., согласно балансам Государственного банка, находилось в обращении 2 260 800 000 руб. – всего на 212½ млн. руб., или едва на 10 % более против 1857 г., в то время как государственный бюджет вырос на 700 %, перейдя за 2 млрд. руб.; число жителей возросло в 2½ раза, достигнув 145 млн. душ, причем сельское хозяйство, промышленность и торговля, да и все население, сполна перешедшее с натурального хозяйства на денежное, нуждаются в значительно больших оборотных средствах, чем в 1857 г.»⁶¹.

Русский народ прекрасно понимал, что экономическое неустройство, бедность, разорение хозяйств, низкая конкурентоспособность отечественного товаропроизводителя на мировом рынке порождается нехваткой денег, а нехватка денег подавляет трудовую энергию и желание трудиться. Наиболее грамотные представители народа пытались достучаться до «верхов», объяснить столичному начальству, что надо выпустить дополнительное количество денег в обращение. Вот, например, ростовский купец Г. Паршин направил в 1885 г. письмо тогдашнему министру финансов Бунге. Отметив затруднительное положение промышленности и торговли, вызванное сокращением денег в обращении (дефляцией), Паршин предлагает выход из сложившейся ситуации: «Единственное средство... – это нужно, например, выпустить, примером, на 200 миллионов кредитных ассигнаций и на них начать в разных пунктах России государственные работы за счет казны... А что наш рубль будет стоить дешево на заморском рынке, потому что будет выпущено много, но зато в родной земле будет идти за полную монету и этим достигнется меньший вывоз наших товаров за границу, а все будем покупать в родной

⁶⁰ Для сравнения аналогичный показатель по странам Запада был равен: в Германии – 115; США – 125; Англии – 140; Франции – 140 франков (Антонов М. Экономическое учение славянофилов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 299).

⁶¹ Земля и воля... без денег. Публичная лекция, прочитанная в апреле 1907 г. в Тамбове, Саратове и Смоленске, и доклад, сделанный Чрезвычайному смоленскому губернскому Дворянскому собранию 1 июня 1907 г. Сергеем Шараповым». – М., 1907. – С. 16.

земле... а если наш рубль будет идти на заморском рынке полной монетой, то тогда совсем прекратятся фабрикация в России и будет бедствие народа, а при выше сказанном мнении все нужное для построек и нашей обыденной жизни будет работать на наших фабриках и наш же народ будет зарабатывать... Этим достигнется полная конкуренция России с границей»⁶². К сожалению, столичные власти оставляли без ответов и внимания подобного рода призывы русских людей с мест, предпочитая обращаться к финансовым авторитетам на Западе.

Русский народ, как мог, сопротивлялся подобного рода дефляционным экспериментам, проводимым финансовыми властями. Создавал кредитные кооперативы и общества взаимного кредитования. Купцы и предприниматели, где могли, замещали деньги векселями или бартером. А некоторые наиболее энергичные предприниматели даже создавали свои деньги. Наиболее яркий пример – деньги С. И. Мальцева. Мальцев (правильно – Мальцов) Сергей Иванович (1810 – декабрь 1893) – русский промышленник, кавалергард, генерал-майор в отставке, почетный член Общества содействия русской торговли и промышленности. Выдающийся представитель дворянского и промышленного рода Мальцовых, Сергей Иванович создавал и использовал собственные деньги в своем достаточно автономном хозяйстве, которое раскинулось в нескольких губерниях и включало несколько десятков фабрик, заводов и иных предприятий. Эти местные деньги назывались *денежными расписками* Мальцовского заводского округа и ходили в этом округе наряду с законными кредитными билетами⁶³. Шарапов восхищается энергией и предпринимательским талантом С. И. Мальцова, который свидетельствует об энергии и предприимчивости русского человека вообще: «А что мы можем работать, что мы умеем вести дело, этому доказательства могут спрашивать только господа, с деловою Россиею незнакомые. Мы так привыкли к поклонению всему иностранному и оплевыванию всего «отечественного» (самое слово-то – ирония), что вовсе не замечаем множества превосходно поставленных у нас дел, не только не уступающих Европе, но и перещеголявших ее, что особенно важно при тех трудностях, которые окружают русского промышленника. Возьмите, например, покойного С. И. Мальцева. По объему им сделанного, по духу дела и по той великой инициативе, которая здесь развернулась, другого такого дела вы мне не укажете ни в Европе, ни в Америке»⁶⁴.

Однако знаменитый заводской округ Мальцевых с десятками предприятий и десятками тысяч работников в конце XIX века стал постепенно приходить в упадок. И дело не в каких-то ошибках С. И. Мальцева или даже болезнях, которые его стали одолевать. Дело в том, что власти не могли допустить, чтобы на обширной территории обращались какие-то деньги, не «вписывающиеся» в финансовую теорию (да еще в условиях, когда Министерство финансов готовилось всех «осчастливить» «золотым рублем»). Шарапов с горечью констатирует: отчего же это дело погибло? Оттого *единственно*, что Мальцеву *круто* было воспрещено печатать свои деньги (деньги, всегда ходившие *al pari* и не знавшие злоупотреблений), а государственных в виде нужного кредита не было дано. Из живого организма была выпущена кровь, но организм был рожден такой могучий, что дышит до сих пор, хотя – увы! – пока это калека и заправиться не может»⁶⁵.

Недостаток денег, как отмечает Шарапов, угнетает и обесценивает труд: «Политическая экономия определяет капитал как концентрированный прошлый труд, являющийся орудием новому труду. Недостаток денежных знаков, возвышая плату за наем капитала, отделяет, отрывает его от труда будущего, обесценивает, парализует этот труд, отдает его в кабалу и ставит

⁶² Цит. по: Власенко В. Е. Денежная реформа в России 1895–1898 гг. – Киев, 1949. – С. 134–135. Текст приведенного письма приведен в соответствие с современными правилами русского языка. – В. К.

⁶³ См.: Парамонов О. В. Денежные знаки Мальцовского заводского округа в XIX веке. Записки Его Превосходительства С. И. Мальцева. – М., 2001.

⁶⁴ Шарапов С. Иностранные капиталы и наша финансовая политика // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 193.

⁶⁵ Там же.

элементы праздные в положение, господствующее в стране, элементы трудовые – в рабство им». Как это положение актуально для понимания нынешней политики денежных властей РФ, «борющихся с инфляцией» путем сжатия денежной массы! Создание дефицита денег выгодно тем, кто торгует деньгами, т. е. ростовщикам, угнетает главный экономический ресурс общества – труд.

Шарапов прямо говорит, что при сложившейся финансовой системе в России произошла лишь замена форм крепостного права, причем новая форма крепостного права оказалась еще более тяжелой: «Примеряя эти соображения к жизни, легко понять, что это не про Америку говорится, а про матушку Россию, где только благодаря западной финансовой доктрине, отводившей глаза русскому финансовому ведомству за последнюю четверть века, вместо старого добродушного крепостного права юридического создано новое, в тысячу раз тягчайшее, – крепостное право экономическое.

Господа: биржевики, дисконтеры, спекулянты, рантьееры, чиновники.

Рабы: землевладельцы, земледельцы, промышленники, рабочие.

Вот прямые последствия недостатка денежных знаков и вместе с тем его точные признаки».

Хочу обратить ваше внимание на то, что среди «рабов» оказываются и рабочие, и промышленники! Это противоречит догматам марксизма (желающим понять, почему промышленники оказываются в компании «рабов», рекомендую посмотреть мою критику марксизма в книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном»). Также любопытно: в одной компании «господ» у Шарапова оказываются финансисты (биржевики, дисконтеры, спекулянты) и чиновники. Мы сегодня видим этот «брак по расчету» между банкирами и чиновниками – как в России, так и во всем мире. В России недостаток денег в обращении способствовал тому, что на смену юридическому крепостному праву пришло экономическое крепостное право. Как точно! Нынешний строй следует называть не «рыночной экономикой» и даже не «капитализмом», а «экономическим крепостным правом»!

Уроки финансовых реформ: предупреждение С. Шарапова нынешней России

Шарапов постоянно сравнивает две финансовые системы России: ту, которая существовала без малого век до прихода к рулю власти «молодых финансистов»⁶⁶, и ту, которая была создана этими «молодыми финансистами»:

«Как ни странно, но мы сами, собственными руками разломали и растоптали очень верную научно, очень удобную практически систему. Накануне самого освобождения крестьян, когда предстояла вопиющая необходимость обновить нашу старую финансовую систему, оживить, расширить кредит, удвоить или утроить количество денежных знаков соответственно ожидаемому увеличению сделок и потребности в деньгах при вольнонаемном труде, пришла группа “молодых финансистов” с Евгением Ивановичем Ламанским и Владимиром Павловичем Безобразовым в качестве дельфийских оракулов и главных инициаторов реформ во главе, захватила руководство российскими финансами, в несколько лет изломала и исковеркала все и после тридцатилетнего владычества сдала Россию в ужасном виде, в котором она теперь находится»⁶⁷.

Шарапов приводит перечень печальных результатов использования западной финансовой науки и проводимых на ее основе реформ денежно-кредитного хозяйства страны: «Все это (реформирование финансовой системы. – В. К.) совершалось самым добросовестным образом, согласно последнему слову западной финансовой науки. В результате оказалось:

- четыре миллиарда бесполезного долга, в том числе около половины на золото;
- огромные бюджетные назначения на уплату процентов;
- широко развитая за наш счет германская железная промышленность и машиностроение;
- огромный ввоз иностранных товаров в Россию;
- сеть железных дорог, обремененная неоплатным почти долгом иностранцам и не вырабатывающая процентов;
- разорение поместного и земледельческого классов;
- биржевая игра русскими фондами;
- ограбление и истощение земли и сведение лесов по нужде ради самосохранения;
- уничтожение труда, торжество всякой наживы, спекуляции и хищничества;
- понижение нравственного уровня. Отчаяние безвыходности, бесплодие честности и высоких нравственных доблестей. Нигилизм. Анархисты...

Все это дало нам тридцатилетнее господство чужих финансовых доктрин...».

Перечитывая Шарапова, забываешь, что речь идет о событиях в России более чем вековой давности. Мы в России уже пережили двадцать лет господства чужих финансовых доктрин. Промежуточные итоги такого господства видны невооруженным глазом и не отягощенным западными экономическими теориями умом. Но это, как говорится, «еще не вечер». Чем все это может кончиться, можно узнать из работ Шарапова. Хотя он не дожил ни до Первой мировой войны, ни до революций 1917 года и последующих событий, он многое предвидел. Многие его экономические и политические прозрения исполнились. Будем надеяться, что трагическая история первых десятилетий прошлого века не повторится, хотя бы потому, что у нас

⁶⁶ В качестве точки отсчета первого периода Шарапов берет 1769 г., когда согласно указу Екатерины II были выпущены первые бумажные деньги – ассигнации.

⁶⁷ Подробное описание финансовых реформ 1856–1864 гг. дано в работе С. Шарапова «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» (глава «Как разоряются государства»). К сожалению, данная работа в собрании работ С. Ф. Шарапова «Россия будущего» отсутствует.

есть С. Ф. Шарапов. Шарапов, который нас предупредил. Шарапов, который подсказал нам, что делать. С. Ф. Шарапов для нас важнее и нужнее, чем вся нынешняя Академия наук, занимающаяся «пережевыванием» западных лженаучных теорий экономики и финансов.

О западных «семенах» экономического «просвещения» в России

Хотелось бы еще раз вернуться к вопросу: почему западные финансовые и экономические теории и науки приобрели такую популярность в дореволюционной России? Самая главная причина такой неразборчивости и некритического отношения к иноземным учениям – духовное оскудение русского народа, отход от церковной жизни и Православия, заражение части народа (его аристократической верхушки, а затем и «образованных» слоев) агностицизмом⁶⁸, атеизмом, материализмом. В сфере познавательной деятельности человека это неизбежно ведет к разъединению и последующему противопоставлению науки и религии. Меняются цели познавательной деятельности: вместо познания Истины – Бога отягощенные материализмом ученые начинают заниматься частными вопросами, часто попадая в различные интеллектуальные тупики. Кроме того, центр тяжести перемещается на решение практических, сиюминутных задач; исследователь занимается «узким» вопросом и не в состоянии видеть мир в его целостности со всеми его сложными взаимосвязями между материальной и духовной сферами. Пораженный духом материализма исследователь добровольно отказывается от накопленного человечеством интеллектуального наследия на том основании, что оно создавалось «темными» и «невежественными» монахами и церковниками (заметим, что в так называемые Средние века научная жизнь в основном была сосредоточена в монастырях).

Русский человек в своем отступлении от Бога отставал от европейца. Европейцы еще со времен Реформации и Просвещения стали создавать свою безбожную «науку». К моменту, когда русский человек стал превращаться в материалиста и атеиста, Запад уже успел создать громадное количество разных теорий и «наук». Поэтому русские «образованные» люди с жадностью набросились на всю кучу этого накопленного с XVI–XVII веков хлама, который они по своей духовной слепоте приняли за истину. Роясь в куче этого хлама, они нашли разные непонятные теории, касающиеся устройства общественной жизни, экономики, финансов, не понимая, по крайней мере, двух простых истин.

Во-первых, те теории, которые создавались на Западе, могли оказаться совершенно непригодными для России. Различия были более чем очевидны: разная вера, разная культура, разный климат, разные природные условия и т. д. Недаром мудрые люди в России говорили: «Что русскому человеку хорошо – то немцу смерть, и наоборот».

Во-вторых, те теории, которые приходили к нам с Запада, вообще не имели никакого отношения к науке, потому что они призваны были не объяснять мир, а обосновывать и оправдывать политику тех, кто эти теории заказывал. Да, да! Эти теории не были результатом свободного творческого поиска истины. Они представляли собой инструмент идеологии определенных групп интересов, которые рвались к власти или уже находились у руля власти. Особенно это касалось общественных «наук». Та же самая английская классическая политическая экономия находилась под сильным влиянием Ост-Индской компании. Давид Рикардо, один из представителей английской политэкономии, сам был биржевым спекулянтom и был близок к Нотану Ротшильду (с которого началось возвышение клана Ротшильдов). Да и Карла Маркса трудно назвать «независимым ученым»: слишком очевидно лукавство его «Капитала», который был на руку банкирам-ростовщикам.

⁶⁸ Агностицизм (от древнегреч. «непознаваемый», «непознанный») – позиция, существующая в философии, теории познания и теологии, полагающая принципиально возможным познание только через опыт (познание объективной действительности) и невозможным познание любых предельных и абсолютных оснований реальности. Так же отрицается возможность доказательства или опровержения идей и утверждений, основанных полностью на субъективных посылах. Применительно к вопросам религиозным агностицизм представляет собой позицию, согласно которой невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть существование Бога. Такая позиция неизбежно ведет к безразличию человека к вопросам веры и религиозной жизни.

Из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» мы узнаем, что дворянская молодежь уже в начале XIX века активно интересовалась английской политической экономией. Строки о Евгении Онегине: «...Бранил Гомера, Феокрита; // Зато читал Адама Смита // И был глубокий эконом. // И он умел судить о том, // Чем государство богатеет, // И чем живет, и почему // Не нужно золота ему, // Когда простой продукт имеет».

Другой герой этого романа – Владимир Ленский – получил образование в Германии, откуда привез «учености плоды»: «Он из Германии туманной // Привез учености плоды: // Вольнолюбивые мечты, // Дух пылкий и довольно странный, // Всегда восторженную речь // И кудри черные до плеч». Ленский учился в Геттингенском университете – одном из самых либеральных в Европе – и поклонялся Канту, чья философия в официальных кругах России считалась опасной и вредной, враждебной Христианству. Ленский многозначительно охарактеризован как «поклонник славы и свободы», его отличает благородное «волнение бурных дум», ему свойственно «негодование, сожаленье, ко благу пылкая любовь». Все это – иносказательное обозначение гражданских настроений, о которых в черновой редакции романа говорилось более откровенно: «Крикун, мятежник и поэт».

Наконец, вспомним Татьяну Ларину, которая зачитывалась французскими романами (хотя из всех героев романа Татьяна по своему душевному устройству была ближе к русской культуре и народу, чем Онегин и Ленский).

При всех различиях в характерах, привычках, образовании Онегина и Ленского они – типичные представители великосветского дворянства своего времени, которые чужды русской культуре, Православию, народу и которых объединяет преклонение перед западными теориями и науками, западной культурой и литературой, французским языком (который они знали лучше русского).

Постепенно «профессиональная наука» стала появляться и в России – в основном на базе университетов. Но это в подавляющем числе случаев было слепое и беспомощное подражание западной «науке». Были, конечно, в России самобытные мыслители (прежде всего славянофилы), но они были не в почете. Их голоса были слабо слышны на фоне голосов официальных профессоров. Голоса таких «ученых» материализовались в «научной» литературе, которая расходилась по России миллионными тиражами и пропагандировала западные идеи материализма и либерализма. Конечно, наибольшим эпигонством отличались науки общественные и гуманитарные. Все они базировались на материализме и представлении о человеке как эгоистическом существе, *homo economicus* («человек экономический»), абстрагировались от наличия в человеке души и совести.

В 1802–1806 гг. был сделан перевод книги Адама Смита «Исследование природы и причин богатства народов». После этого в «Санкт-Петербургском журнале» (официальном органе Министерства внутренних дел) появилось несколько статей, пропагандировавших произведение Смита. С 1815 г. либеральные идеи английской политической экономии стал активно пропагандировать еженедельный журнал «Дух журналов». На основе труда А. Смита стали писаться учебники работавших в России профессоров. В основном это были профессора иностранного происхождения, которым идеи англичанина были ближе, чем русскому человеку. Тогда на слуху у всех были имена Хр. Шлецера⁶⁹, Г. Шторха⁷⁰, А. Гакстгаузена⁷¹. Под влиянием заграничных экономических идей оказались писатели и с чисто русскими фамилиями

⁶⁹ В 1805 г. он выпустил книгу «Начальные основания государственного хозяйства» в духе основных идей А. Смита.

⁷⁰ *Генрих Фридрих* (на русской службе *Андрей Карлович*) *фон Шторх* читал лекции по политической экономии будущему императору Николаю I и его младшему брату Михаилу.

⁷¹ Справедливости ради следует отметить, что А. Гакстгаузен в своих работах достаточно далеко отошел от Адама Смита. Этот немец отдавал предпочтение русскому хозяйственному строю перед западноевропейским и ратовал не за свободную торговлю, а за активное использование протекционизма. А. Гакстгаузен оказал заметное влияние на Е. Ф. Канкрин, который был при Николае Первом министром финансов и последовательно проводил политику протекционизма.

и именами. Например, Николай Тургенев, написавший в 1819 г. «Опыт теории налогов», где пропагандировались идеи введения в России либерального таможенного тарифа⁷². Полагаю, что увлечение Н. Тургенева западными экономическими либеральными идеями сыграло не последнюю роль в том, что он оказался в рядах декабристов. Ряд других декабристов, как свидетельствуют их биографии, также были воспитаны на идеях английской политической экономии⁷³.

⁷² Не без влияния Н. Тургенева в 1819 г. был введен либеральный таможенный тариф. Противником свободной торговли был знаменитый государственный деятель адмирал Мордвинов. В 1822 г. он добился перехода к протекционистским тарифам.

⁷³ Среди них особенно выделяются П. И. Пестель и М. В. Орлов.

«Наука» вместо бога

На ущербность западной науки обратил внимание русский писатель, представитель раннего славянофильства В. Ф. Одоевский: «В нынешней старой Европе мы видим... горькое и странное зрелище! Мнение против мнения, власть против власти, престол против престола, и вокруг сего раздора – убийственное, насмешливое равнодушие! Науки, вместо того чтобы стремиться к тому единству, которое одно может возратить им их мощную силу, науки раздробились в прах летучий, общая связь их потерялась, нет в них органической жизни; старый Запад, как младенец, видит одни части, одни признаки – общее для него непостижимо и невозможно; частные факты, наблюдения, второстепенные причины – скопляются в безмерном количестве. Для чего? С какою целию? – Узнать их, не только изучить, не только проверить, было невозможно уже во времена Лейбница; что ж ныне, – когда скоро изучение незаметного насекомого завладеет названием науки, когда скоро и на нее человек посвятит жизнь свою, забывая все подлунное; ученые отказались от всесоединяющей силы ума человеческого; они еще не наскучили наблюдать, следить за природою, но верят лишь случаю, – от случая ожидают они вдохновения истины, – они молятся случаю. *Eventus magister stultorum*. (Случай – учитель неразумного – лат.) Уже в том видят возвышение науки, когда она обращается в ремесло!.. И слово язычника: “Мы ничего не знаем!” – глубоко напечатлелось на всех творениях нашего века!.. наука погибает»⁷⁴. В яркой художественной форме (роман «Русские ночи», опубликованный в 1840-х гг.) Одоевский выразил суть трагедии западной науки – отход от целостного понимания и восприятия окружающего мира, его дробление на кусочки, бесконечное дробление некогда единой науки на различные мелкие и частные «науки», возведение между ними непреодолимых стен, превращение ученого в ремесленника с узким, ущербным мировоззрением. Фактически Одоевский констатировал умирание западной науки⁷⁵. И эту умирающую и заражающую своей мертвенностью науку русский «образованный» класс брал на вооружение, вытесняя из своей жизни животворящую веру в Бога и отказываясь от постижения Истины.

На эпигонство так называемой «науки», которая буйным цветом расцвела на Русской земле, обращали внимание почти все последующие славянофилы, ряд русских писателей, подвижники Церкви. Взять, к примеру, одного из основоположников славянофильства И. В. Киреевского. Вот что он писал в 1852 г. по поводу пришедшей в Россию диковинной науки под названием «политическая экономия», ориентированной на западного человека, но мало понятной русскому человеку: «Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремится внутренним возвышением над внешними потребностями избежать тяжести внешних нужд. Если бы наука о политической экономии существовала тогда, то, без всякого сомнения, она не была бы понятна русскому. Он не мог бы согласить с цельностью своего воззрения на жизнь особой науки о богатстве. Он не мог бы понять, как можно с намерением раздражать чувствительность людей к внешним потребностям только для того, чтобы умножить их усилия к вещественной производительности. Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно поэтому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями, но и в совершенной им подчиненности»⁷⁶. Выдающийся славянофил обращает внимание на то, что западная политическая экономия всю энергию человека ориентирует на преобразование

⁷⁴ Одоевский В. Ф. Русские ночи. – М., 1975.

⁷⁵ Одоевский был одним из первых, кто высказал мысль о «смерти» Запада (еще за много десятилетий до того, как в 1918–1920 гг. вышла известная книга О. Шпенглера «Закат Европы»). Одоевский говорил о том, что на Западе происходит умирание не только науки, но также искусства и религиозной веры.

⁷⁶ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России (письмо к графу Е. Е. Комаровскому) // Киреевский И. В. Разум на пути к истине. – М., 2002. – С. 151–213.

внешнего мира, в то время как русский человек в первую очередь был ориентирован на внутреннюю работу, борьбу со страстями, духовное совершенство. У русского человека была своя иерархия ценностей: духовные были выше материальных. В политической экономии оставались лишь материальные, духовные вообще не брались в расчет. Киреевский одним из первых среди русских мыслителей обратил внимание на то, что политическая экономия ориентировала человека на то, чтобы «раздражать чувствительность людей к внешним потребностям». В переводе на современный язык это означает стимулирование человека к потреблению.

Во времена молодости Шарапова «наука» стала превращаться для молодежи в религию, которая постепенно вытесняла веру в Бога: Сергей Федорович вспоминает: «При переходе в высшие школы мы были сплошь материалистами по верованиям... “Наука” была нашею религиею, и если бы можно было петь ей молебны и ставить свечи, мы бы их ставили; если бы нужно было идти за нее на муки, мы бы шли»⁷⁷. Кроме того, Шарапов подметил особый интерес молодежи к таким новоиспеченным «наукам», как «социология» и «политическая экономия». Что касается второй «науки», то это уже была политическая экономия не Адама Смита, а Карла Маркса: «Большинство (студентов. – В. К) набросилось на политическую экономию и социологию. Трудно поверить, с каким прилежанием одолевали люди дубовый “Капитал” Маркса, да еще по-немецки. Свежие головы просто трещали от невообразимой путаницы в изложении этого столпа социальной науки, даже и не подозревая, что венцом его трудов будет нечаянное признание самого Маркса, что он “меньше всего марксист сам”. За Марксом следовали более толковый и страстный Лассаль, Огюст Конт, Милль, Спенсер. Этими последними зачитывались»⁷⁸. Не удивительно, что после постижения таких «наук» молодые люди становились космополитами, у них любовь к России сменилась на неприязнь и даже ненависть ко всему русскому, университетская молодежь пополняла ряды анархистов, социалистов и других революционеров, боровшихся с «режимом»: «В молодежи неведомо откуда появилась злая струя, нам совершенно чуждая. Мы были розовые космополиты, но на всю Россию смотрели снисходительно; здесь вдруг появилась яркая ненависть ко всему русскому. Мы мечтали о конституции и кричали “Ура!” Александру II, а из этой молодежи анархисты вербовали динамитчиков»⁷⁹.

⁷⁷ Шарапов С. Молодежь прежде и теперь // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 592.

⁷⁸ Там же. – С. 593; Лассаль Фердинанд (1825–1864) – немецкий философ, юрист, социолог, деятель немецкого рабочего движения. Конт Исидор Мари Огюст Фрасуа Ксавье (1798–1857) – французский философ и социолог; основатель позитивизма и социологии как самостоятельной науки. Милль Джон Стюарт (1806–1873) – английский философ-позитивист, экономист, общественный деятель. Спенсер Гербер (1820–1903) – английский философ и социолог, идеолог социал-дарвинизма.

⁷⁹ Там же. – С. 601.

Святитель Феофан Затворник о «западной тьме»

На бездумное, некритическое увлечение европейскими теориями и науками «просвещенной» публики в России обращал внимание святитель Феофан Затворник. Вот как описывают современные российские авторы отношение святителя Феофана к тогдашней науке: «Святитель Феофан видел односторонность и ущербность современной науки в том, что она отвернулась от изучения духовных явлений в мире и человеке. Это попросту означало – исказить действительность, вырвать самую важную страницу из книги жизни. Особенно страдали от этого науки о человеке. В их выводах не могло быть и речи ни о какой справедливости и полноте знаний без ясного представления о внутренней жизни человека, о духовной стороне его естества. По мнению святителя Феофана, следовало одухотворить науку, привлечь ее внимание к проявлениям духовности в человеке, а это значит, что она не должна противопоставлять себя вере и отталкивать ее от себя, это значит, что они должны повернуться лицом друг к другу. Без этого в объяснении многих явлений наукам не избежать ошибок и упрощений, без этого они во многом останутся на уровне голых и абстрактных теорий»⁸⁰. А теории, настаивает Феофан Затворник, следует отличать от подлинных фактов: «Теории – личное дело учащихся; факты – общее достояние. Истинною, настоящею теориею может быть только та, которая согласна с христианскими истинами»⁸¹, ибо Христианство открыло миру подлинное знание о явлениях духовной жизни человека, о ее непреложных законах. Защищая смелость своих суждений, Феофан Затворник пишет: «Верующие имеют полное право втесняться с духовным в область вещественного, когда материалисты лезут со своею материею, без зазрения совести, в область духовного», тем более что «материальное не может быть ни силою, ни целью»⁸². Наиболее яркое выражение материального как цели проявлялось в экономической «науке», которую многие в то время называли еще «наукой о богатстве»⁸³, стремление к богатству в русской традиции считалось гибельной страстью.

Даже так называемые «естественные» науки были поставлены на службу атеизма и безбожия, а в итоге, чтобы обосновывать различные социальные и экономические теории, служившие интересам «миродержителей» (выражение С. Шарапова, которое он употреблял в отношении «королей биржи» и ростовщиков). Со второй половины XIX века, в частности в России, стали активно насаждаться такие материалистические теории, как гипотеза Лапласа о происхождении мира и теория Дарвина о происхождении человека из обезьяны и его же теория «естественного отбора». Некоторые «естественные» теории прямо проецировались на человека и общественную жизнь. Например, те авторы, которые развивали и пропагандировали «теорию конкуренции» (ту самую, которую Шарапов подверг резкой критике в работе «Бумажный рубль...»), постоянно апеллировали к дарвинизму: мол, как и в живой природе, в обществе также происходит «естественный отбор» в результате конкуренции между товаропроизводителями.

О «западной тьме», пришедшей в Россию, писали и говорили также почти славянофилы. Возникает вопрос: а откуда на Западе взялась эта самая «тьма»? Об этом кратко и точно сказал

⁸⁰ Гончаров Геннадий, Каплин Александр. «Западом наказывал и накажет нас Господь...». Святитель Феофан Затворник о духовном состоянии российского общества во второй половине и конце XIX века // Русская народная линия. – 23.01.2012 (Интернет).

⁸¹ Феофан Затворник. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем. В 4 т. В 8 вып. Т. 3. Вып. 6. – Репринт. – М., 1992. – С. 47.

⁸² Там же. Т. 1. Вып. 2. – С. 117.

⁸³ Ее так называли в силу того, что в ее основании находилась работа А. Смита «Исследование природы и причин богатства народов». Довольно часто в дореволюционных изданиях длинное название работы Смита давали в более короткой версии «О богатстве», или «О происхождении богатства». Во всех случаях ключевым словом было «богатство».

святитель Николай Сербский. В одной из своих публикаций (1941 г.) он писал об организованной «оппозиции Богу», которая оформилась в различные этические и научные формулы. Последние, в свою очередь, начали последовательно вытеснять христианскую этику и догматику. Святитель отмечает, что: а) эта организованная «оппозиция Богу» зародилась не в простом народе, а в среде образованных верхов общества; б) сначала эти верхи утвердили грех в качестве этической нормы жизни (используя в том числе свои способности в литературе и искусстве), а затем обосновали это «научно», возведя свои домыслы в ранг «догматов позитивного знания».

«Оппозиция Богу на Западе, – писал святитель Николай Сербский, – зародилась не в простом народе, а в среде людей хорошо образованных и ученых; иными словами – в среде книжников и фарисеев, как и во времена древние. В первую очередь был нанесен удар по христианской этике, а затем и догматике. Сначала легкомысленные борзописцы сочиняли скандальные книги, а близорукие... художники тиражировали соблазнительные картины... Так с истреблением нравственности была подготовлена почва для ниспровержения догматики, для развала богооткровенных истин веры. Это разрушение продолжалось два последних столетия. Сперва включились в него французские энциклопедисты и английские утилитаристы, вслед за ними социологи и составители законов, затем растлевающие всех и вся романисты и приверженцы так называемого «реализма» в искусстве, потом ученые со своими упрямыми и фантастическими теориями и, наконец, лица, злоупотребившие научными открытиями в своих корыстных целях и обратившие их на подрыв веры и морали у европейской молодежи»⁸⁴

⁸⁴ *Святитель Николай Сербский (Велимирович)*. Духовное возрождение Европы. – М., 2006. – С. 394.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.